

СЕМЬЯ и ШКОЛА

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

№ 7 / 1994

в номере: ■ когда малыши бунтуют: "кризис трёх лет" ■ что вы знаете и чего не знаете о своём ребёнке ■ о важном умении прощать обиды ■ ребёнок взял чужое ■ многое из того, что мы приписываем подростку, на самом деле миф ■ Людмила Петрушевская: сказки о барби. у барби теперь есть кукольный дом ■ "обратная перспектива": смерть чехова, убийство плеве ■ рукоделие: радуга на подушках ■ год садовода: чтобы легче было собирать урожай ■ смастерим палку-трость ■ симптомы опасных состояний: когда ребёнку плохо, надо, разумеется, вызвать врача, но и самим времени терять нельзя

СЕМЬЯ и ШКОЛА ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Основан в 1871 году
Возобновлён в 1946 году

Главный редактор
В. Ф. Смирнов

Редакционная коллегия:

В. В. Андреев,
(главный художник),
П. И. Гелазония
(заместитель
главного редактора),
Т. Я. Кедрина,
Л. Ф. Осипова,
В. А. Рыбаков,
С. И. Сивоконь,

Служба маркетинга
и сбыта:

И. А. Кустова

Обеспечение выпуска:

Г. М. Асоскова,
А. М. Бакланова,
М. В. Жилинская,
В. И. Терёхина,
А. А. Никонова,
Д. А. Щёголев

Компьютерный набор
и верстка:

Л. В. Абрамова,
Р. В. Хортов

Учредитель журнала:
трудоу коллектив
редакции

Адрес редакции:
129278 Москва И-278,
улица Павла Корчагина, 7
Телефоны редакции:
283-80-09, 283-86-14

Ордена Трудового Красного
Знамени Чеховский
полиграфический комбинат
Комитета

Российской Федерации по
печати

142300 город Чехов
Московской области

№ 7 (июль) 1994
Подписано в печать
16 августа 1994 года
Формат 84x108 1/16
Печать офсетная
3 печатных листа
(условных — 5,04)

Тираж
60 000 экземпляров
Заказ 3000

© «Семья и Школа», 1994

Нужна помощь

Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишет вам многодетная мать, имею 8 детей и на моем воспитании внука Лечючка, ей год и 8 месяцев.

Заставило меня написать горе. В феврале 1994 года у нас сгорел полностью дом с вещами. (А проживали мы в это время в колхозе Шэке-Буса). Вещи и дом были не застрахованы, так как мой муж бросил нас и уехал в Хуртэй, на родину. Я и моя семья дети остались, в чем были. Деваться некуда, мы приехали в лесхоз Хуртэй к мужу. Но и здесь живем без работы, в школу дети, наверное, не пойдут, а у меня 5 учеников.

Обращаюсь первый раз. Когда-то и я могла многодетным, чем могла. У нас в семье безвыходное положение, сама я из детдома с г. Благовещенска. Кормить и одевать я не могу, нам очень тяжело (где могла, подрабатывала у людей).

Люди добрые, помогите чем можете. Мальчик, 14 лет, и девочки.

Я обращаюсь к милосердным людям. Обещаю: как начну получать детские, я рассчитаюсь с людьми.

Помогите мне пожалуйста. Заранее вам благодарна.

Наш адрес: Кижигинский р-он, с. Хуртэй, ул. Октябрьская, 3.
Фроловой Татьяне Юрьевне.

Здравствуй, мой дорогой журнал! Обращаюсь к тебе, как к старому другу — выписывала тебя 6 лет, очень много полезного почерпнула для себя, в воспитании детей, а у меня их шестеро (младший — грудной).

Обращаюсь к вам за помощью!

Очень долго не решалась на это письмо, но я больше не знаю, что делать и как жить. После гибели мужа мы стали жить в сплошном кошмаре — буквально погибали! Уже продали все, что могли — вещи мужа, мои, телевизор, проигрыватель, стиральную машину, соковыжималку, детские велосипеды и многое другое, что осталось от хорошей жизни. Уже продавать нечего... Дети постоянно полуголодные, обуви нет — дети ходят в чешках, мы все время болеем — не вылезим из больницы. Организмы ослабленные, а витамины купить не на что. Денег, что мы получаем, хватает только дней на 10. На такое пособие прожить абсолютно невозможно (900 тыс. купонов).

Прошу вас — напечатайте, пожалуйста, наше письмо — может, кто-нибудь откликнется, сможет нам чем-нибудь помочь (правда, сейчас мы разные государства это преграда). И, может, какой-нибудь хороший человек захочет стать для нас верным другом (особенно страдают без отца мальчишки).

Я работник культуры, очень многое умею, всему, что умею, учу детей — они у нас охватительные и талантливые.

Я детей очень люблю, для меня чужих детей нет вообще и, если бы были средства, взяла бы детей из дома малятки. Но пока это невозможно.

Заранее всем благодарна.

Прошу адрес не печатать — не хочу быть узнаваемой недоброжелателями.

К.

Харьков.

Мы обращаемся к вам из Республики Молдова с огромной просьбой в надежде на то, что Вы отзоветесь на наше письмо.

Мы постоянные читатели журнала "Семья и школа", за исключением последних полугода, из-за нехватки денег. Ваш журнал очень интересный, невозможно оторваться, когда начинаешь читать. Очень много советов по поводу воспитания детей и их развития. Спасибо вам.

Мы очень надеемся, может, журнал поможет нам, просто уже не знаем, куда обратиться нам.

У нас большое горе. 13 июля 1989 года родилась дочка Татьяна с врожденным тяжелым пороком сердца, инвалид с детства. Ребенок тает на глазах, отстаёт в физическом развитии, задышится, быстро устаёт, с рождения на таблетках. Мы живём в постоянном страхе, что каждый день может стать последним в её жизни.

Дочке скоро 5 лет, но она до сих пор не прооперирована. Операцию такой сложности на территории бывшего Союза провести невозможно. Гарантий на жизнь врачи не дают.

Мы обратились за консультацией в другие страны. Такую операцию сложную могут сделать в Париже или в Америке.

Для этого нам необходимо срочно собрать около 20 000 долларов США.

В нашей республике сейчас очень трудное экономическое положение, и нам помочь не могут. Поэтому мы обращаемся за помощью в ваш журнал.

Пожалуйста, может, вы поместите наше письмо или объявление о сборе средств для операции нашей дочери. Может, найдутся состоятельные добрые люди, которые смогут нам помочь.

Средства можно перечислить на благотворительный счет Детского фонда Республики Молдова, указав: "На именной счет Коцофана Татьяне для операции".

Благотворительный счет:
в рублях — 700089174,
или в долларах США — 1070028,
в немецких марках — 48070528
в ЦБ АКБ "Банка социале" г. Кишинёва, код банка 280101703, корр. счет 700161303.

Заранее благодарим вас и надеемся на вашу помощь.

С нетерпением будем ждать ответа на наше письмо.

С большим уважением к вам семья Коцофана.

277038 Молдова, г. Кишинёв, ул. Роз, 13/1 кв. 76, Коцофана Юлия и Виктор.

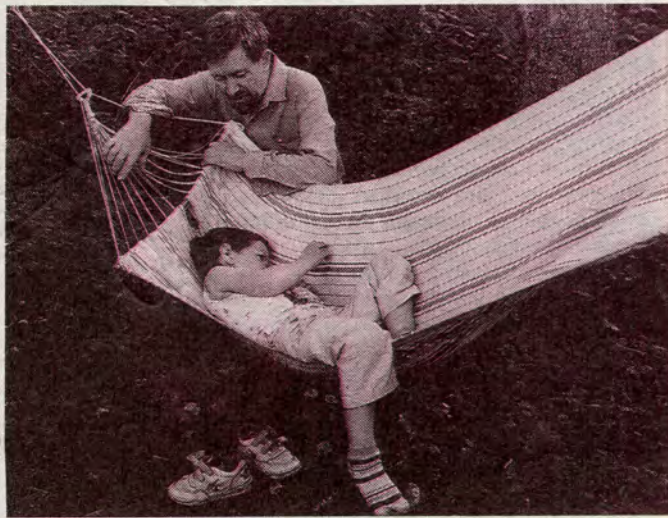
читатель — редакция — читатель

Письма читателей не редактируются. Мы лишь оставляем за собой право сокращать их без ущерба для смысла

мы вместе

Фото Владимира Воронова

Его одежда

«Гардероб» малыша. Он должен претерпевать изменения с ростом и развитием ребенка. Так, идеальная одежда первых месяцев жизни — пеленки (как для сна, так и для бодрствования). Предостережем от тугого пеленания — ребенок должен быть в состоянии двигать ногами и в пеленках, причем с возрастом всё более свободно. Когда малыш бодрствует, ручки не пеленайте.

Но с двух месяцев, или чуть позже, ребенку на время бодрствования вместо пеленок понадобятся ползунки — они позволяют ему двигать ножками еще более свободно — это очень ценно для развития движений (и вместе с тем способствует отхождению газов: замечено, что дети, которые были беспокойны, пока их заворачивали в пеленки, становятся спокойнее, когда их одевают в ползунки).

Однако, несмотря на свое название, ползунки стесняют движения именно при ползании. Поэтому с семи-восьми месяцев пора переходить к штанишкам, колготкам и пинеткам.

Когда ребенок начинает устойчиво держаться на ногах (к 11—12 месяцам), рекомендуется заменить ему пинетки на ботиночки. (Обувь в этом возрасте должна быть обязательно с каблучками — иначе может возникнуть плоскостопие.)

По-разному в зависимости от возраста одевают малыша и на прогулки. До шести месяцев его заворачивают в одеяло (иногда используют «конверты»), оставляя открытым лицо. Но во втором полугодии дети чувствуют себя лучше и спокойнее, когда в одеяло они завернуты только до пояса.

Помогает ли вам малыш одевать его? Капризы при одевании и раздевании не так уж редки. Родители должны внимательно посмотреть, не допустили ли они в чем-нибудь ошибки. Быть может, они неловко брали малыша и у того с процедурой одевания связаны «неприятные воспоминания»? Быть может, мать не считает нужным готовить все заранее и, когда приходит пора переодеть ребенка, начинает лихорадочно искать то одно, то другое? Не удивительно, что ее беспокойство передается малышу!

Напротив, ласковые, спокойные интонации голоса матери, слова, обращенные к малышу («Вот умница, теперь дай ножку, наденем носок») вызывают у ребенка приятные эмоции, ему самому хочется одеваться.

Некоторые дети не любят облачаться в прохладную одежду (и ее надо согреть, а уж потом надевать). Другим не нравится, что их кладут на живот, когда переодевают (и надо постараться, чтобы ребенок не находился долго в этом положении).

К концу года многие родители обнаруживают у своих малышей явное стремление превратить одевание в игру. Им уже скучно, когда их просто так одевают, и они придумывают развлечения — уползают со смехом, стаскивают с себя то, что на них надели. Некоторые же дети сопротивляются и капризничают.

О том, чтобы применять «крутые меры» — накричать, шлепнуть, пригрозить — и речи быть не может. Во-первых, это несовместимо с ва-

шими принципами воспитания. Во-вторых, никогда не дает ожидаемого результата; напротив, малыш начинает капризничать еще больше.

Не помогает и такое изобретение, практикуемое некоторыми родителями: отвлечь малыша, пока его одевают. Что-нибудь рассказывают, что-нибудь показывают, забавляют какой-нибудь игрушкой. Но добиться можно лишь кратковременной «отсрочки» в капризах.

Между тем малыш сам подсказывает нам выход из положения. Ему скучно? Он хочет, чтобы было интересно? Так покажите ему, как интересно одеваться, какая красивая у него рубашка; не отвлекайте его, а призовите на помощь («Ну-ка, подтяни свои колготки, вот так!»). Скорее всего, он найдет интерес в самостоятельных действиях и постепенно привыкнет к ним.

Кризис трёх лет

Очень важный момент в развитии ребенка наступает тогда, когда он начинает осознавать себя как отдельного человека, со своими желаниями и особенностями.

Наглядно представить это себе достаточно трудно, потому что все мы, взрослые люди, обладаем ощущением своего собственного «я» и полагаем, что иначе и быть не может. Тем не менее, ребенок раннего возраста еще лишен этого ощущения. Он сам не отделяет тех чувств и желаний, которые у него возни-

кают, от внешних причин, их вызвавших. Действительность для него гораздо более «текуча», более изменчива, чем для нас. Долгое время ребенок не осознает, что люди остаются одними и теми же в разной обстановке.

К малышу двух лет приезжает на дачу сильно похудевший отец. Мальчик узнает папу, но упорно называет его «маленький папа» — в полной уверенности, что «большой папа» остался в городе...

Тем более трудно малышу осознать отдельной личностью себя. Отношение к себе дети заимствуют у взрослых. Они называют себя в третьем лице, беседуют с собой, как с посторонним, — уговаривают, ругают, благодарят.

Осознание себя происходит обычно к концу третьего года жизни под влиянием возрастающей практической самостоятельности ребенка. Ведь он овладевает возможностью выполнять без помощи взрослого многие действия, усваивает навыки самообслуживания. И он начинает мало-помалу понимать, что то или иное действие выполняет именно он. Внешне это понимание выражается в том, что ребенок начинает говорить о себе не в третьем, а в первом лице: «Дай мне куклу», «Я бегаю», «Возьми меня с собой».

Да, малыш как бы отделяет себя от других людей. Он осознает собственные (возросшие!) возможности. Это приводит к тому, что он начинает иначе относиться к взрослым. Он начинает сравнивать себя с ними. Он хочет быть таким, как взрослые, выполнять те же действия, обладать той же независимостью, самостоятельностью. Мальчик трех лет заявляет: «Когда я вырасту (вырасту) большой, я буду сам чистить зубы. Я буду привозить (привозить) вам торт (торт). Я буду сажать Киюшу на шкаф. Я буду писать и читать большие книжки».

Но хотя мальчик говорит о будущем, это вовсе не означает, что он намерен терпеливо ждать, пока на самом деле вырастет. Нет, его слова выражают по сути желание немедленно стать «большим». Как вы можете сами заметить, это желание наиболее ярко выливается в неукротимое порой стремление к самостоятельности, в противопоставление своих желаний требованиям взрослых. Так и возникает кризис трех лет.

В этот период, который длится обычно несколько месяцев (и протекает у разных детей, конечно, по-разному), мы испытываем значительные трудности во взаимоотношениях с ребенком, сталкиваемся с

его упрямством, негативизмом. Дети не только протестуют на каждом шагу против нашей излишней (по их мнению) опеки, но и специально проделывают вещи, которые заведомо запрещены. Из дневника психолога Н. А. Менчинской: «Я говорю Саше: «Я так на тебя рассердилась, как никогда еще не сердилась». — «Покази как», — заявляет он с выражением большого любопытства на лице. Я не велела Саше брать в рот палочку, а он упрямится, лизнул велосипед и в ответ на мое «нельзя» сказал: «Нет, мозня, и висипед, и пальку».

Обратите внимание, что наиболее яркие проявления упрямства и негативизма направлены главным образом против тех взрослых, которые постоянно ухаживают за ребенком, опекают его. Перед сверстниками и «посторонними» взрослыми малыш свою независимость не демонстрирует.

Когда мы говорим о негативизме, то имеем в виду не обычное непослушание (с этим мы сталкивались все время, пока ребенок рос — в разных дозах, разумеется). Мы зовем ребенка к столу, а он не слушается, продолжает катать свою пожарную машину. Он не делает то, чего мы от него требуем потому, что сейчас ему хочется делать совсем другое. Чтобы возникло непослушание, необходимо для начала как минимум, чтобы желание ребенка не совпало с требованием взрослого.

Если же перед нами проявления негативизма, то обычно совершенно неважно, в чем заключаются наши требования и каковы подлинные же-

лания малыша. Мальчик очень любит кататься на велосипеде. Ему не всегда это разрешают, но вот сегодня мама говорит: «Иди, катайся». На это наш негативист отвечает: «Не пойду». Почему он отказывается? В голосе матери он уловил повелительные нотки. Мать предлагает снова, и он снова отказывается, начиная при этом плакать, — кататься-то хочется! Но, оказывается, стремление не подчиниться воле взрослого — сильнее.

Также не всегда связана с желаниями малыша и такая черта, появляющаяся в его поведении, как упрямство. Упрямство не будем путать с настойчивостью, которую он мог проявлять «с первых дней» — например, он мог всеми средствами добиваться игрушки, которую ему почему-либо не давали. Своеобразие упрямства вот в чем: малыш настаивает на своем не потому, что ему так уж сильно хочется этого, а потому, что он этого потребовал. Как же теперь отступить?

Попробуем здесь провести некоторую аналогию с упрямством взрослого человека. Мы ведь не склонны рассматривать эту черту характера как свидетельство силы личности. Наоборот, скорее всего приходится подозревать, что упрямство у взрослого человека маскирует его неуверенность в себе — он не верит в свою внутреннюю силу, полагает, что и другие не очень-то верят, и вот избирается далеко не лучший способ выглядеть сильным и в своих глазах, и в глазах окружающих.

Слабость же личности ребенка — вещь вполне закономерная. Поэто-

му его упрямство можно рассматривать как своеобразную защитную реакцию против влияния взрослых. Это же относится и к негативизму. Только если «негативисту» все равно, что делать, лишь бы наоборот, то «упрямцу» важно сделать именно то, на чем он настаивает.

По сути дела, и негативизм, и упрямство мы должны рассматривать как явления если уж не желательные, то во всяком случае закономерные, нормальные в известных пределах. Но, бывает, кризис заходит слишком далеко — и мы наблюдаем то, что Л. С. Выготский называл строптивостью, определив ее как «бунт против норм воспитания, установленных для ребенка, против всего образа жизни».

Острота кризиса поэтому прямо зависит от отношения к ребенку со стороны взрослых. Попытки общаться с ним по-старому ведут лишь к закреплению отрицательных черт в поведении, сохранению их в течение всего времени детства (а то и позже!). Тактичное же поведение взрослых, предоставление ребенку большей самостоятельности обычно смягчает кризис.

Разумеется, родители должны помнить при этом, что определить меру возможностей малыша — это задача взрослых, а не самого ребенка; полагаться на его самооценку было бы неправильно. Притязания ребенка «быть как взрослый» слишком велики, чтобы они могли быть осуществлены на самом деле. Для удовлетворения их есть только одна форма: форма игры. В раннем возрасте началось овладение этой деятельностью. И, возможно, главная задача взрослых, увидевших наступление «кризиса трех лет», — еще раз внимательно проследить, готовы ли их малыш к тому, что главным содержанием его жизни в следующие четыре года станет игра...

Сочувствие, сострадание, сотрудничество

Когда вы знакомите малыша с окружающим, читаете ему, рассказываете ему что-нибудь, старайтесь подчеркнуть нравственную сторону происходящего: «Вот видишь — мальчик собачку ударил. Это плохо, так

делать нельзя». «Смотри, вот дядя бабушку через улицу переводит. Какой молодец! Надо всем помогать».

Любовь и привязанность к близким уже в начале раннего детства могут принимать действенный характер: малыш жалеет маму, которая обожгла палец; он не играет в шумные игры, когда кто-то спит. Разумеется, это не получается само собой. Главное условие — малыш должен видеть проявления сочувствия членов семьи друг к другу, и старшие его самого должны наталкивать на такое поведение.

«Не шуми, папа устал, он спит. Не разбуди папу», — говорит мать шепотом. Малыш, подражая ей, начинает вести себя тихо, и если кто-нибудь из взрослых случайно забудется, он сам напомним: «Незя, папа спит».

Старайтесь при каждом удобном случае напоминать малышу о необходимости считаться с другими людьми. «Говори тихо, как я, — наша соседка заболела»; «Дай дедушке газету»; «Не входи к тете в комнату, не постучав. Постучи и спроси: «Можно?» Если скажет можно, входи».

Малыш довольно легко «заражается» чувствами других. (Иногда в яслях приходится наблюдать такую картину: один малыш заплакал, другой подхватил, и вот уже почти все плачут, хотя причин к плачу у большинства никаких нет.) Учитывайте его легкую внушаемость, следите за оттенками своего поведения. Не только ваши указания и призывы определяют поведение малыша — значение имеет даже тон, каким вы разговариваете дома.

Здесь мы снова возвращаемся к разговору о важности создания у

ребенка положительных эмоций и исключения отрицательных.

Будут преобладать у малыша те или другие, в значительной мере зависит от того, как организована его жизнь и какие чувства вызывают своим поведением старшие. Бывает, что с интересами малыша родители не очень-то считаются, разговаривают с ним раздраженно, находят повод лишний раз упрекнуть его, позволяют старшим братьям или сестрам «проявить власть» над малышом. Стоит ли удивляться после этого, что ребенок не обнаруживает в своем поведении бодрости, спокой-

ствия, что он не выражает сочувствия к другим.

Напоминание о важности личного примера применительно к раннему возрасту звучит с особенной силой. Двух-, трехлетний малыш необычайной легкостью перенимает особенности взаимоотношений взрослых. Поэтому, если вы хотите выработать «хорошее поведение» у ребенка, внимательно проанализируйте свое. Если взрослые всегда вежливы друг с другом, спокойны, доброжелательны, внимательны к другим, то и малыш привыкает вести себя подобным образом. Повторим: в присутствии ребенка нельзя выяснять отношения, ссориться. Мало того, что возбужденное состояние, передаваясь ребенку, отрицательно сказывается на его нервной системе, — неправильные поступки взрослых входят в его поведение. Он воспроизводит их сначала в игре (обращаясь, скажем, грубо с куклой), а затем и в своем отношении к близким — младшим и старшим.

Напротив, если в семье господствуют положительные взаимоотношения, то у детей двух-трех лет легко обнаружить такие важные качества, как общительность, приветливость, сочувствие к другим, умение переживать их горе и помогать им.

Большое значение имеет общение со сверстниками. Уже в младенческом возрасте может возникать интерес к другим детям. В раннем возрасте родителям следует всячески поддерживать доброжелательные взаимоотношения малышей. Ребенок, который посещает детское учреждение, много времени проводит среди сверстников. В совместной игре приходится считаться с

интересами другого, уступать, делиться с товарищем, помогать ему. Малыш начинает выражать сочувствие тому, кто упал, ушибся, плачет: Он пытается утешить чем может...

А как быть с «домашним ребенком»? Старайтесь время от времени собирать вместе в игре двух-трех детей, близких по возрасту. Лучше всего такие совместные игры устраивать на прогулке. Последите за ребятами! Бывает, что хорошей игры не получается, потому что малышам не удается действовать согласованно. Несут двое носилочки с песком, хотят соспать, один наклоняет их влево, другой вправо — недалеко до недоразумений и ссоры...

Учите малыша делиться своими игрушками («Смотри, у Сережи нет ни одной игрушки, а ему хочется играть, дай ему кубики»), считаться с интересами другого («Нельзя отнимать у Зиночки, она тоже хочет играть куколкой»), помогать друг другу оказывать внимание («Посмотри, Оля никак не может достать мишку, ты побольше, пойдя, помоги ей достать»), вызывать сочувствие («У него ножка болит, и он не может бегать, поиграй с ним, покажи ему твою машину»).

А как быть, если дети ссорятся? Оставлять такие ссоры без внимания нельзя. Вы должны разобраться в причинах ссоры и справедливо разрешить недоразумение, которое возникло. Разумеется, вы не будете считать непогрешимым именно своего малыша. Он так же, как и другие дети, может поступать неправильно, и не надо его в этом поощрять. Если он отнимает игрушки у других, не умиляйтесь — какой сильный! — а почувствуйте недовольство и выразите его. А главное — подскажите, как надо поступить. Если малыш не внимает, продолжает вести себя неправильно, уведите его, сказав: «Вот, не умеешь играть с другими хорошо, дружно, будешь один».

В яслях, в детском саду, лежа в манеже, ребенок привыкает видеть рядом других детей, и их «взаимоотношения» с самого начала приобретают положительную направленность: они улыбаются, рассматривают, трогают друг друга, радуются.

Развивая и поддерживая эти первые ростки, взрослые уже на втором году жизни должны воспитывать у ребенка доброжелательное отношение к сверстникам, желание и умение играть рядом, а потом и вместе с другими детьми, сочувствие тому, кто упал, ушибся, плачет; стремление оказать помощь другому ребенку, подать игрушку, помочь подняться упавшему.

Вступлению во взаимодействие с другими детьми способствует овладение ходьбой. Но у ребенка еще нет никакого опыта взаимоотношений со сверстниками и ему неизвестно, как надо и как не следует поступать. Увидев игрушку в руках другого ребенка, он по простоте душевной (а вовсе не из озорства) тянет ее к себе, так же, как если бы она лежала где-то сама по себе. Исход борьбы решается «с позиций силы». Задача взрослых — научить ребенка не отнимать игрушки. И не ограничиваться чисто словесным запретом, а последовательно пресекать подобные действия малыша: строго произнеся «нельзя», вернуть игрушку владельцу, а «обидчику» тут же предложить другое занятие.

В яслях и детских садах выход обычно прост: есть по несколько

штук одних и тех же игрушек; легко разрешить конфликт, предложив каждому желающему ту игрушку, которая ему приглянулась. Если игрушки хранятся правильно, в доступных детям местах, ребенок часто и сам догадывается взять такую же игрушку, которая, как только оказалась в руках другого, стала желанной. Нередко малыши и сами начинают подсказывать друг другу подобный выход из положения, показывая отнимающему игрушку, где можно взять подобную.

Дети любят обмениваться игрушками, и часто делают это по собственной инициативе. Для того чтобы малыши не отнимали игрушки друг у друга, надо учить их такому обмену.

Малыши часто еще не умеют играть вместе. К этому умению их должны постепенно подвести взрослые. Сначала пусть учатся играть рядом. И это тоже нелегкая задача — играть, не мешая соседу, не забирая у него игрушек, не толкая и не нарушая его игры.

Вместе с тем в таких играх дети подражают друг другу и при умелом руководстве со стороны взрослых могут научиться оказывать друг другу помощь: подать упавшее колечко от пирамидки, поделиться кукольной одеждой, формочкой для «пирожков». У играющих рядом детей появляется потребность сообщить что-то друг другу, и это способствует развитию речевого общения.

Учите малыша делиться с другими детьми игрушками, сладостями. Но ребенок должен делать это не через силу, а охотно, добровольно, желая доставить приятное другому. Иначе у малыша лишь возникнет негативное отношение к такому рода предложениям взрослых. Не следует требовать от ребенка, чтобы он отдал свою любимую игрушку или единственную конфету — это для него непосильное испытание.

Всякий хороший поступок малыша надо одобрить, может быть, даже несколько преувеличенно выразить радость по поводу того, что он поступил хорошо.

Знаем ли мы их?

Е. Савонько,
кандидат психологических наук

И да, и нет...

Их — это, конечно, наших детей. И первый ответ взрослых: конечно, знаем. Кто как не мы, родители, самые близкие ребенку люди, умеем по тончайшим, еле уловимым приметам «читать» в душе своего сына или дочери? По выражению глаз, улыбке, по интонациям и походке мы догадываемся о настроениях, переживаниях, радостях и огорчениях, о неудачах и об успехах своих детей. По словам одной мамы, она знает, что «опущенные ресницы и скорбное выражение лица у сына означают нелады с отметками, отведенные в сторону глаза и поджатые губы — неприятности дисциплинарные, зареванное лицо и взгляд в упор — происшествие принципиального характера, например, драка в защиту справедливости».

Все это так. Но вместе с тем, в каком-то смысле наши дети — «закрытая для нас книга». Я не имею в виду детские тайны и «секретики», составляющие сокровенность души каждого человека. Я имею в виду другое... Передо мной

письмо четырнадцатилетней девочки: «...мы с подругами живем двойной жизнью: в школе я — хорошая ученица, староста класса. Учителя ко мне относятся хорошо, «нормально» по-нашему. Родители во мне души не чают: любят меня, заботятся обо мне... Учусь я хорошо... А вот вечером — у меня другая жизнь: ребята, гитара, песни, вино, сигареты, смех, жаргон и всякое другое...»

Никто пока не знает да и не узнает про эту вторую жизнь. Если узнают родители — запретят, крик поднимут, а сами они ни за что не догадываются. В школе — тем более... Кому до нас дело?». И тогда опять возникает вопрос — знаем ли мы своих детей?

Иногда родители узнают о своих детях, неожиданно для себя, от других людей нечто такое, о чем даже не подозревали: «Ваша дочь любит возиться с малышами, с первоклассниками. Ее назначили к ним вожатой. Дети очень ее любят», — говорит учительница матери своей ученицы. «Моя Светка любит детей? В первый раз слышу! — с величайшим удивлением реагирует

мама. — Дома она у нас принцесса: командует всеми...»

Отец одного мальчика «обалдел» (по его словам), когда узнал, что его сын очень хорошо ориентирован в тонкостях рыболовецкой «науки» и даже консультирует малышню, часами проводящую время с удочкой на соседних прудах.

«Оказывается, Катя еще играет в куклы (девочка учится в третьем классе), а я-то думала...» — слова одной из мам.

Итак, мы и знаем и не знаем собственных детей.

Попробуем «систематизировать» наше знание и незнание; я хочу предложить вашему вниманию несколько вопросов, специально подготовленных профессиональными детскими психологами.

Найдите, пожалуйста, всего 30—45 минут свободного времени и подумайте о своем сыне или о своей дочери. Своеобразие этих вопросов состоит в том, что они направлены на «высветление» образа вашего ребенка, на более углубленное понимание его проблем (а «проблемы» — внутренние душевные трудности, сомнения, сильные переживания есть у каждого человека, даже если ему шесть месяцев). Отвечая на вопросы («да» или «нет»), вы как бы воссоздаете образ своего сына или дочери, «уточняете» представление о своем ребенке, обнаруживаете «белые пятна» в этих представлениях, делаете какие-то откровения (в повседневной жизни не всегда удается просто подумать о родном человеке, с любовью и нежностью), вспоминаете...

Итак, попробуйте ответить себе на вопросы:

Обидчив ли ваш ребенок?

Упрям или нет?

Легко ли вступает в контакт с другими детьми?

Стремится ли к контактам с другими детьми?

Любознателен или нет?

Добр или нет?

Как ведет себя в трудных ситуациях:

— сам справляется?

— просит помощи?

— избегает преодоления трудностей?

Как реагирует на критику:

— спокойно?

— раздражается?

Как переживает неудачу:

— плачет, расстраивается?

— ищет причину в себе?

— ищет причину в других?

Хвастлив или нет?

Какое настроение преобладает:

— веселое?

— грустное?

Часто ли меняется настроение?

Из-за чего больше переживает ребенок:

— если прервать его игру?

— если оторвать его от приготовления уроков?

— если вы не купите вещь, которую он просит?

— если его не приняли в игру товарищи?

— если вы не возьмете его с собой на прогулку, в гости?

— если вы не дадите ему для работы или игры какой-нибудь инструмент?

— если вы не разрешаете ему помогать вам на кухне или в другом деле?

— если вы требуете, чтобы ребенок убрал за собой?

Умеет ли ребенок думать о себе, оценивать себя?

Как смотрит ребенок на себя:

— вашими глазами?

— у него есть собственное представление о себе?

Как ребенок строит отношения с товарищами:

— любит командовать?

— любит подчиняться?

Знаете ли вы, что думает ваш ребенок о вас?

Есть ли в жизни вашего ребенка конфликты:

— со взрослыми?

— со сверстниками?

Разумеется, перечень вопросов не исчерпывающий.

Вы можете добавить к ним и свои вопросы.

Напишите нам,

что у вас получилось, к какому выводу вы пришли.

...И отвечая на эти вопросы, вы постепенно, непроизвольно начнете задавать себе «встречные» вопросы: вам захочется понять, о чем мечтает ваш ребенок, что любит, хорошо ли ему в семье, как он относится к вам, что о вас думает, умеет ли оценить, похвалить или поругать себя сам за какие-либо качества, умения, способности, желания...

Предлагаемая вам «аналитическая работа» нисколько не умаляет вашей любви к ребенку и не отчуждает вас от него. Наоборот, она позволяет подумать о том, насколько совпадает ваше представление о нем с тем, каким бы вы хотели его видеть. Более того, вы могли бы понять, может ли ваш ребенок стать таким, как вам бы хотелось.

Вы получаете возможность «уточнить» свое представление, сравнивая его с суждениями о нем других людей (в том числе — учителей), других членов семьи. Конечно, едва ли вам удастся «включить» окружающих в ответы на анкету; но их (скажем, учителей) мнение можно узнать «исподволь», по отдельным вопросам. Не забывайте — ваш (и каждый) ребенок обладает только ему присущими особенностями, пристрастиями, желаниями. Поэтому, прежде чем сравнивать своего Сережу с соседским Сашей (или с самим собой в соответствующем возрасте) или со «средне-статистическим ребенком», обратите внимание на то, что отличает его, вашего Сережу, от других детей.

Анализ результатов таких опросов родителей, увы, показывает, что многие из них знают своих детей очень поверхностно и судят о них по внешним проявлениям.

Причины непонимания детей

Причин — несколько.

Одна из них состоит в высоком уровне родительских амбиций: «Никто не имеет права учить меня, как воспитывать моего ребенка, — потому что никто лучше меня его не знает».

Другая причина — распространенное заблуждение родителей, полагающих, что ребенок — существо примитивное, устроенное элементарно, что он как бы «предчеловек»...

Так, отвечая на вопрос «Есть ли в жизни Вашего ребенка конфликты», некоторые родители говорят: «Нет никаких конфликтов — мал еще», даже если ребенку 6—7 лет. Рассеять такое заблуждение довольно трудно.

А вот мнение детских психологов с мировым именем: «Уже в 3 года

ребенок может питать неистовую ревность, исключительную привязанность и честолюбие — еще может быть неопределенные, но тем более требовательные — точка зрения французского детского психолога А. Валлона; «В 3 года ребенок начинает осознавать несоответствие своего поведения общепринятым нормам» — считает его соотечественник Рене Заззо.

Нет, дети — это «полноценные люди», у которых, как у взрослых, есть свои печали, тревоги, смуты, грусть, потребность в сострадании.

И одна из живейших (можно сказать — биологических) потребностей — быть принятым хоть одним человеком, излить перед тем, кому доверяешь, свои чувства, мысли, раскрыть свою душу. Кто же как не родители должны утешать эти потребности?

Третья причина состоит в том, что у родителей «нет времени заниматься этой ерундой». Один агрессивно настроенный папа сказал мне: «Вас (педагогов, психологов) послать, так надо с работы увольняться и только и делать, что изучать собственного ребеночка... А он, этот ребеночек, и так уж в печенках сидит!»

Некоторые родители считают, что дети должны расти сами по себе; что «чужая душа — потемки», познать другого человека невозможно — поэтому и «браться за это дело не стоит».

Есть еще одна причина — психологическая безграмотность. По моей субъективной статистике, 75—78 процентов родителей очень мало знают о психическом облике своего

ребенка и считают, что эти знания доступны только специалистам (часто путая психологию с психиатрией). Если все так сложно, если надо постигать азы психологии («опять учиться») и трудиться, чтобы понять собственного ребенка, — может быть, и не надо усложнять себе жизнь? — «Выпорю — побольше толку будет...».

Знать — чтобы не ошибаться

А между тем от психологических знаний есть прямая польза — они позволяют более точно (и по форме, и по смыслу) реагировать на поступки ребенка, снижают «уровень несправедливости» по отношению к нему, повышают взаимное доверие, укрепляют Вашу уверенность в себе, помогают избавиться от стереотипов в родительском сознании и поведении.

Понимание смягчает остроту ваших реакций; готовность и желание понять отодвигает немедленное стремление «воздействовать», охлаждает «карательный» пыл родителей. Понимание создает атмосферу защищенности и справедливости, а значит, делает детскую жизнь теплее.

Желание понять своего ребенка поможет вам не упустить каких-то важных моментов в его развитии, поможет изменить свою тактику, насторожиться в критических ситуациях. Подчеркну: ребенок должен иметь возможность для выражения чувств и убеждений. Надо никогда не упускать возможность «дать знак»: его понимают и хотят ему помочь. И уж если мы все равно реагируем, влияем, назидаем, вменяемся, наказываем, говорим, говорим... — то, может быть, целесообразнее немножко поучиться? А ведь существуют и родители, которым хотелось бы ребенка запрограммировать — и избавиться от необходимости думать, анализировать, прислушиваться... Реальный факт: во время консультации просят: «загипнотизируйте моего ребенка, чтобы он стал управляемым...». Но идея, что человек — это машина, пусть и очень сложная, давно уж оставлена в науке. И взаимопонимание с ребенком — не только знание, но и «тепло» — любовь, сердечное внимание, эмоциональный слух и отзывчивость (то, что психологи называют эмпатией).

Мы сказали — взаимопонимание. Значит, важна и вторая сторона дела: знают ли они — нас? Об этом поговорим в следующий раз.

Агрессивность

Слово «агрессия» (происходит от латинского *aggressio* — «нападение») издавна бытует в европейских языках, однако придаваемое ему значение не всегда было одним и тем же. Еще в начале XIX века им обозначали любое активное поведение в отношении окружающих, как доброжелательное, так и враждебное. Впоследствии (исследователи связывают его с изменением общественного сознания в результате потрясших Европу наполеоновских войн) это слово обрело то узкое значение, в котором употребляется и поныне. Сегодня агрессивным называют человека, стремящегося морально и физически подавить других людей, добиться своих целей средствами насилия, а порой и просто проявляющего насилие по отношению к окружающим.

Агрессивное поведение нередко приносит ощутимые результаты, то есть человеку удается силой отстаивать свои интересы и заставить других подчиниться. Но в долгосрочном плане это тупиковый путь. Столкнувшись с агрессивным поведением человека, люди составляют о нем нехотелое мнение и стремятся такого человека избегать, иногда его просто боятся. А тот, кого боятся, никогда не бывает любим. Агрессивный человек в конце концов оказывается одинок, окруженный страхом, недоверием и неприязнью. Никто не хотел бы, чтоб его ребенок рос беспомощным и зависимым. Но излишняя жесткость поведения, склонность к враждебным, насильственным действиям весьма настораживают. Конечно, ребенок должен уметь за себя постоять. Но не хотелось бы, чтобы в жизнь он вошел, привычно приняв боевую стойку.

Каковы истоки человеческой агрессивности? Как и во многих иных случаях, на этот счет есть несколько мнений. Существует точка зрения (ее активным пропагандистом выступил нобелевский лауреат Конрад Лоренц), согласно которой агрессивность — это врожденная черта, обусловленная самой природой. Специалист в области поведения животных, Лоренц распростирил свои рассуждения на мир людей, поскользнувшись человек также подчиняется законам биологической наслед-

ственности. А в животном мире эти законы проявляются достаточно явно. Например, известно, что современные домашние собаки происходят от одного дикого предка. На протяжении длительного времени люди вывели разные их породы, разительно несхожие как внешне, так и поведением: сравним добродушную комнатную болонку и сторожевого пса. В результате отбора у каждой породы закрепились определенные черты. Скажем, бультерьер — по натуре своей боец, он таким родился. А привить бойцовские качества таксе едва ли удастся. Значит, агрессивность наследуется?

Неожиданное возражение может возникнуть у тех же собаководов. Мне довелось услышать мнение опытного инструктора: «Сегодня в большом городе почти нет настоящих овчарок». Действительно, воспитанный в неге городской квартиры, пес совершенно утрачивает «профессиональные» (или, если угодно, природные) качества. Чтобы поддерживать его в форме, необходимо интенсивное натаскивание, научение. Если природные особенности и существуют, они должны быть развиты, иначе угаснут.

Отсюда проистекает иная точка зрения, согласно которой любые поведенческие реакции формируются, усваиваются в результате научения и примера. Если условия становления человека располагают к агрессивным реакциям и такое поведение поощряется, то агрессивность неизбежно закрепится как черта характера.

Исследователи заметили, что агрессивными чаще бывают дети тех родителей, которые сами не стремятся сдерживать своих враждебных проявлений. Чем не довод в пользу наследственности? Объяснение, однако, может быть иным. Дети просто усваивают на ближайшем примере соответствующий стиль поведения.

Не вызывает сомнения, что агрессивности можно научиться. Если ребенок растет в такой среде, где жесткие столкновения обычны, он легко может усвоить наглядные образцы поведения. Тем более, что образцы современной массовой культуры, к которым ребенок очень восприимчив, также в большинстве своем навязывают стереотипы агрессивного поведения. (Отсюда, кстати, вытекает простая и естественная рекомендация для родителей.

«Универсальный солдат» и «Кровь нинзя» — не самые лучшие образцы искусства для детей, особенно младших. Позаботьтесь о круге интересов ребенка, причем желательно, чтобы просмотр боевиков в этот круг не попал.)

Впрочем, в психологии сложилось еще одно объяснение природы агрессивности. Это так называемая фрустрационная гипотеза, согласно которой агрессия — механизм преодоления препятствий, возникающих на жизненном пути. Столкнувшись с такой ситуацией, которую не удастся разрешить иными ранее освоенными способами, человек бросается на препятствие, чтобы его сокрушить. Способы конструктивного разрешения сложных, проблемных, противоречивых ситуаций сами по себе достаточно сложны и должны быть усвоены в ходе становления личности. Не все они еще включены в поведенческий арсенал ребенка. Однако агрессия — простейшее средство — ему уже вполне доступна. Плохо то, что, опробовав однажды агрессивный способ разрешения конфликта и добившись таким образом успеха, ребенок отдает предпочтение именно этому способу и отказывается искать другие. Так агрессивность начинает закрепляться в качестве черты характера, а это затрудняет усвоение более совершенных, конструктивных форм поведения. Если препятствие можно сокрушить, то зачем учиться его преодолевать? Если оппонента можно просто ударить, то зачем искать иные аргументы?

У детей подобное отношение проявляется заостренно, явно. Увы, и у взрослых порой можно встретить нечто подобное. О таких людях и говорят, что они плохо воспитаны. Большинство, однако, умеют держать себя в руках и находить приемлемые пути поведения. Детям в усвоении такого навыка надо помочь. Если о них повзрослевших скажут, что они плохо воспитаны, то это — упрек нам, ибо воспитаны они нами. Родители должны постоянно подсказывать и показывать ребенку рациональные, допустимые способы решения встающих перед ним проблем. Дело не в том, чтобы наказать ребенка за проявленную агрессивность, а в том, чтобы предоставить ему более приемлемый способ реакции на затруднение. Научиться можно только на основе опыта. Понятно, чему может на-

учить богатый опыт враждебных столкновений. От родителей зависит, чтобы опыт ребенка был иным.

Затруднения, которые возникают в жизни человека, бывают самого разного рода. Препятствие не обязательно должно быть внешним, материальным. Иногда это внутренний психологический барьер, препятствующий полноценному общению и нормальному личностному росту. Как правило, основным барьером становится заниженная самооценка. Если человек относится к себе с уважением, то жизненные трудности и негативное отношение других людей не вызывают у него сильного раздражения; он «знает себе цену» и не стремится отстаивать ее кулаками. Но если человек не уверен в себе, страшится критики (чувствуя, что она скорее всего обоснованна) и постоянно опасается попасть впросак, то весь окружающий мир он начинает воспринимать как враждебный и соответственно к нему относиться.

Не устоявшаяся, «плавающая» самооценка особенно характерна для подросткового возраста. В эту пору происходит стремительное взросление ребенка, за которым родители просто не успевают, продолжая относиться к подростку как к малышу. Родители часто недооценивают или просто не замечают тот мучительный процесс самоопределения, который переживает подросток. Это переживание становится причиной особенной хрупкости, ранности человека в переходном возрасте, находя подчас выход в необъяснимых агрессивных действиях. Характерно, что дети из тех семей, где царят ровные доброжелательные отношения, где родители способны учитывать происходящие

в ребенке перемены и здраво реагировать на них, как правило, не склонны к агрессивному поведению. Так что, какой бы объяснительной гипотезе мы не отдали предпочтение, вывод достаточно ясен. Агрессивность — это «болезнь» не ребенка, а той среды, в которой он формируется и растет. Верно сказано: «Нам не дано улучшить ту семью, в которой мы выросли, но нам по силам улучшить ту семью, в которой растут наши дети». Любой педагогический совет может быть лишь комментарием к этому девизу.

Кража

На протяжении веков здравый смысл подсказывал служителям закона: недопустимо подходить к малолетнему правонарушителю с той же меркой, что и ко взрослому. Современным законодательством четко установлено, что несовершеннолетние требуют более мягкого наказания, а дети младше определенного возраста (в разных странах эта грань несущественно различается) вообще не несут ответственности за совершенные противоправные действия. Конечно, к большинству деяний, подлежащих уголовному наказанию, дети младшего возраста просто не способны. Едва ли не единственным исключением составляет кража — тайное присвоение чужого имущества. Известие о том, что ребенок совершил кражу, повергает родителей в ужас. В сознании сразу же возникают кошмарные видения преступного будущего, к которому малыш, кажется, уже сделал первый шаг. Хотелось бы разобраться, насколько оправданны такие опасе-

ния и какой реакции заслуживает его поступок.

В конце прошлого века в связи с внедрением в общественные науки эволюционных идей широкое распространение получила трактовка становления личности в духе так называемого биогенетического закона. Этот закон был сформулирован немецким биологом Геккелем и гласил, что индивидуальное развитие живого организма в сокращенном виде повторяет историю эволюции его вида. А вслед появились теории, согласно которым ребенок на своем жизненном пути проходит несколько сменяющих друг друга фаз, повторяющих этапы становления человеческого рода и цивилизованного общества.

Закономерность в живой природе, открытая Геккелем, у специалистов возражений не вызывает. А вот ее педагогическое приложение представляется весьма спорным и сегодня не находит много сторонников. Не вдаваясь в научную дискуссию на эту тему, воспользуемся, однако, теми яркими образами, которые порождает эта теория. Ибо в каком-то смысле такая трактовка может быть очень показательной.

Маленького ребенка, входящего в мир, можно условно уподобить древнему первобытному человеку, выброшенному на берег современной цивилизации. Общественные законы еще неведомы, их только предстоит освоить. Главный двигатель поведения — собственные потребности, которые ребенок желает удовлетворять без оглядки на еще неведомые условности и запреты. Если чего-то хочется — надо добыть, подвернулось под руку — взять. А все, что удалось добыть, то — мое.

Постепенно ребенок с помощью

взрослого усваивает многочисленные «можно», а главное — «нельзя». Но подчеркнем — постепенно. Пройдут годы, прежде чем он научится в полной мере владеть собой и соразмерять свои потребности с общепринятыми нормами поведения.

Дошкольник довольно рано узнает от взрослых, что многие поступки недопустимы. В частности, нельзя брать того, что тебе не принадлежит. Однако маленькому ребенку, как мы знаем, представляется, что мир вращается вокруг его персоны, а следовательно, целиком принадлежит ему. Понять, что другие люди имеют свои интересы и права (в том числе право собственности), малышу еще трудно. Конечно, взрослые говорили ему, что надо соблюдать известные ограничения, он это слышал и вроде бы — понял. Но принять это как собственное убеждение ему еще просто не по силам. Его внутренняя природа — иная. При виде соблазнительного предмета в нем пробуждается сильная потребность обладания, которую трудно подавить.

Присвоение чужого, которое совершает дошкольник, не следует называть страшным словом «кража». Такой поступок, безусловно, неблагоприятен, но это еще не кража. Объектом присвоения выступают по-детски привлекательные предметы, в первую очередь — чужие игрушки. Деньги — почти никогда. Злой корысти, с которой взрослые связывают понятие воровства, это «преступление» не содержит. Практически никогда присвоение чужой вещи не бывает заранее спланировано и «просчитано»; наоборот, оно, как правило, совершается словно само по себе, по влиянию внезапно возникшего побуждения. Впослед-

ствии ребенок даже не пытается сохранить тайну. Ведь единоличное обладание желанным предметом не приносит такого удовольствия, которое дает возможность покрасоваться перед окружающими! Таким образом, и мотивы, и механизмы детской кражи совсем не те, что у «взрослого» преступления.

Предвижу вопрос: «Не хотите ли вы сказать, что самовольное присвоение ребенком чужой вещи — дело нормальное, невинное, то есть простительное?» Нет, в данном случае речь идет лишь о том, что такой поступок вполне объясним. Причем объясняется он не порочностью и злонамеренностью ребенка, а недостаточной выработанностью поведения, непониманием нравственных норм. Оставлять его без внимания нельзя. Не надо только давать волю гневу, оснований для которого явно недостаточно.

Если ребенку хотя бы раз удалось присвоить чужое безнаказанно и воспользоваться им в свое удовольствие, то соблазн повторить такой опыт станет возникать с новой силой каждый раз, когда в поле зрения попадет нечто соблазнительное. А к увещаниям старших наступает своеобразная глухота. «Ну и пусть говорят, что чужое брать нельзя! Ведь однажды удалось — значит можно». Вот это необходимо пресечь в зародыше.

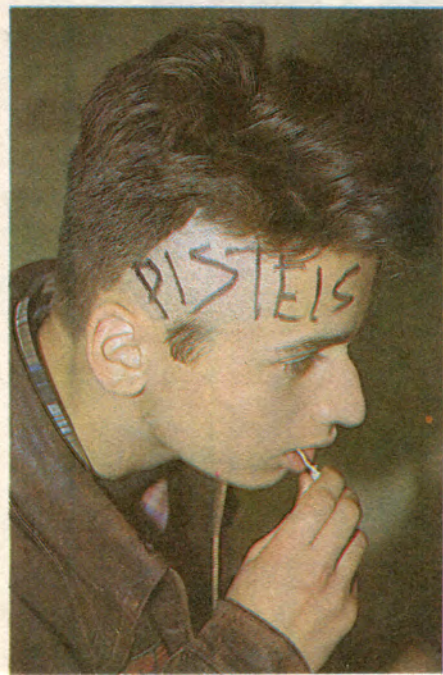
Не надо дожидаться, когда такая неприятность произойдет. Ведь совсем маленький ребенок находится под практически неусыпным надзором старших. Им же надо проследить, чтобы возникающее побуждение «позаимствовать без возврата» не воплотилось в реальное действие. Если вы видите, что ребенок, взяв не принадлежащую ему вещь,

колеблется, вернуть ее или нет, надо однозначно указать ему на единственно возможный выбор.

Когда малыш приносит с прогулки или из детского сада новое «приобретение», обязательно надо поинтересоваться его источником. Если подозрения справедливы, ответ, как правило, бывает самый незамысловатый: «Нашел». Не обязательно подвергать сомнению такую версию, но ее невинность надо в глазах ребенка развенчать. «Эта игрушка не твоя, значит брать ее было нельзя. Кто-то потерял ее, а теперь расстроился и ищет. Давай вернем ее на место». Вообще, самое главное, чтобы ребенок осознал: такой поступок родители обязательно осудят и воспользоваться его плодами не удастся. Зная, что присвоенная чужая вещь все равно будет возвращена владельцу, даже самый маленький ребенок удержится от бесполезного действия.

Если надежные внутренние тормоза не удалось создать в дошкольном детстве, то потом решить эту задачу уже труднее. Дети постарше способны на более продуманные и хитрые шаги. Если мелкое воровство войдет у ребенка в привычку, то это действительно может повлечь печальные последствия. Чтобы этого не произошло, ребенок с помощью родителей должен с малых лет усвоить важный моральный запрет. Поначалу, когда у него самого еще недостает на это сил, роль «ограничителя» берет на себя взрослый, пресекая любые попытки недостойного поведения. Пройдет время, и ребенок станет способен принять эту роль на себя, надо лишь ему в этом помочь.

Фото Т. Шахвердиева

Мифы о подростке

А. Осницкий,
кандидат психологических наук

О подростке, о проблемах, связанных с ним, написано немало. И не случайно: таков уж этот период — подростку приходится трудновато справиться с новыми обстоятельствами жизни, а окружающим его взрослым нелегко справляться с самим подростком. Но попробуем прислушаться к слову «справляться»: по отношению к подростку, которому приходится встречаться с новыми проблемами, — это означает научиться решать их. Разве это не общечеловеческая способность и не общечеловеческая потребность? А для взрослых, «мучающихся» с подростком, «справиться» означает подчинить подростка своим требованиям. Суть различна и даже противоположна; а как одинаково звучит...

Но и писать о подростке непросто. Пишут о нем, как правило, «поумневшие с возрастом» — утерявшие многое из того, что составляет особенности и, я бы сказал, достоинства подростка. К автору данных строк, казалось бы, тоже все это относится; но он пребывает в уверенности (или счастливым заблуждении), что никогда не считал высказываемые им суждения абсолютными. А понимание относительности собственного знания и знания других порою помогает, думается, увидеть то, что уже не видят другие... Подросток же мне интересен хотя бы тем, что в нем для меня открывается, с одной стороны, вся символика личностного развития, с другой стороны, все сложности такого развития; а может быть, именно из-за них человечество за свою историю так почти ничему и не научилось...

«Поумневшие с возрастом» видят подростка как бы новыми глазами, многие из давних или недавних собственных трудностей или забыв, или не осознав «до точки». К слову сказать, людям вообще свойственно толковать происходящее с другими, опираясь лишь на собственный опыт видения и размышлений — и проецировать свои мысли и чувства при объяснении поступков других людей. Так, завистник объясняет причины пове-

дения других людей либо глупостью, либо завистью; бессеребренник — видит в каждом готовность к самопожертвованию.

Предстает взору взрослых подросток преимущественно в связи с тем, в какой мере он их потревожил. В этих тревогах, в попытках их объяснить и рождаются мифы о подростке. То как о дикаре: любопытном, непостоянном, ловком, впечатлительном. То как о существе едва ли не «со сдвигом» (пусть и временным): болезненным честолюбием, неуравновешенностью, демонстративностью, тягой к ритуалам, сексуальным извращениям. А то с этим возрастом попросту связывается потенциальная предрасположенность к преступлениям: вспышки гнева, неуправляемость, склонность к алкоголизму, сексуальное насилие. Неуравновешенность, демонстративность, болезненное самолюбие объясняют преимущественно неравномерностью полового созревания.

Даже самые умеренные и осторожные аналитики подросткового периода склонны считать, что в наибольшей степени подростку свойственны: склонность вести себя «как взрослый», стремление к независимости, самостоятельности — с одной стороны; и стремление к общению со сверстниками, — с другой.

Будем справедливы: наряду с негативными проявлениями в поведении подростков отмечают и проявления позитивные; эти формы поведения мы расцениваем как сами собой разумеющиеся. Так уж традиционно складываются наши отношения с подростком, да и с детьми меньшего возраста: замечается, фиксируется чаще всего то, что вызвало наше недовольство или ввело нас в затруднительное положение. А радоваться — вместе с ним — всему тому, что у него получилось достаточно хорошо, мы часто «забываем». Но вот на что обратим внимание: есть ведь не только «позитивные проявления» у подростков, доставляющих нам хлопоты, есть и подростки вполне благополучные и практически беспроблемные для взрослых.

...Подростку, если он стал задумываться «над жизнью», впервые открывается несовершенство человеческих отношений, несовершенство «общепринятых» правил. Главное, что он открывает: все оценки взрослых далеко не всегда верны, а сами взрослые, требующие, чтобы подросток не отступал от правил и следовал мнениям старших, их правилам, непоследовательны — и во мнениях, и в поступках. Раньше в детстве (чем оно и было счастливым...) взрослые были непререкаемым божеством: все, что они говорили, о чем рассказывали, воспринималось с полным доверием. И ребенок еще не замечал, что одна «эра доверия» сменяется другой. Наиболее ощутимая для родителей смена эры доверия связана с поступлением в школу. Чуть не в один день учитель смещает с пьедестала родителей, становясь для ребенка авторитетом номер один! И какую бы окопешу ни несла учительница вашего первоклассника, спорить с ребенком и доказывать свою правоту абсолютно бесполезно. От взрослых требуется бог знает сколько умения и терпения, чтобы в этой ситуации и ребенку помочь, и самим перед ним не осрамиться, не растерять остатки авторитета, и с учительницей наладить отношения.

Но через года два учебы ранее безоглядно доверявший учителю школьник становится свидетелем, во-первых, несходства требований разных педагогов (когда они приходят подменять ведущего учителя); во-вторых, небезукоризненности самого учителя; и в-третьих, сами его (ее) требования и стиль поведения им начинают приедаться. Слова учителя, его авторитет теряют силу; но к родительскому слову от этого сила не возвращается. К тому же, родительский контроль так надоедает... Вспомним: с ранних лет взрослые учат ребенка различать плохое и хорошее; учат, в лучшем случае, своим примером, а чаще — с помощью наставлений и нотаций. А в наставлениях господствует логика «черно-белая»: хорошо — плохо, можно — нельзя, бери пример — не бери примера...

Вот и получается: первое, с чем сталкивается ребенок, вступая в пору подростничества, — это с тем, что все наши наставления мало к чему пригодны. Обнаруживается со всей очевидностью: оценки, применяемые взрослыми, противоречивы, люди, их использующие, непоследовательны; полагаться на их слова — нельзя. Мы и сами, если

призадумавшись, довольно быстро заметим: в мире действия, в «мире вещей» еще можно установить определенную логику, определенные правила наших действий... А вот в мире человеческих отношений дела обстоят куда хуже. Действительно: мы, взрослые, до сих пор не в состоянии установить всеобщие правила, регулирующие эти отношения, — иначе бы не было стольких конфликтов, да и конфликты мы бы научились разрешать не на поле битвы.

Первое сомнение в истинности оценок «мира взрослых», по сути дела, и есть психологический критерий вступления в подростковый период. Выжить в этом мире вовсе без оценок и без определенных позиций по отношению к окружающему миру — невозможно. Следовательно, нужно пытаться выработать новую систему оценок. Что и пытается сделать подросток! В этом и состоит его преимущество перед нами — взрослыми. Мы-то уже во многом пошлы на компромисс во всем том, что касается наших знаний и умений; и пытаемся жить, используя «плоды компромисса». А он увидел их несовершенство — и пытается выправить положение. Он-то пытается; но и мы пытаемся «привести его к общему знаменателю»: то ли приобщить его к нашему опыту компромиссов, то ли помочь ему избежать тех ошибок, что делали сами. И большей частью преуспеваем в своих попытках; но при этом не столько приобщаем его к нашему позитивному опыту, сколько пытаемся разуверить в действительности попыток открыть что-то новое, свое. И если нам удается убедить его «не трепыхаться», то считаем свою задачу выполненной! И не замечаем, что сами плодим себе подобных — пассивно принимающих «не нами» установленные правила жизни и примирившихся со всем тем, что нас не устраивает.

Да и все общество наше, ориентированное на образцы взрослого, умудренного жизнью человека, обречено «вертеться по кругу»; и только в результате случайных отклонений делать новые приобретения в культуре человеческих отношений. Предметная деятельность (техника), мы уже отмечали, имеет свою логику развития и тянет за собой развитие тех, кто ввязывается в эту деятельность. А вот логика отношений пока что подчиняется правилу «все приходит на круги своя».

Получается: подростку нам бы по большому счету следовало гимны петь и всячески пытаться содействовать в его поисках. И самим

учиться у него! А мы его — «к общему знаменателю»! А затем пытаемся описать «подростковую субкультуру», которая и рождается как результат противодействия наших детей произволу взрослых. Или, еще хуже того, пытаемся сами подражать этой субкультуре, начинаем культивировать ее (посмотрите телепрограммы!), не отдавая себе отчета, насколько смешны в глазах тех, с кем заигрываем.

Мы приписываем подростку массу качеств, якобы порождающих его конфликтность с нами; а не видим, что сами — причина этой конфликтности.

Не так уж рьяно подросток ищет независимости и самостоятельности... Да, он не прочь почувствовать себя взрослым, тем более, что физически он уже готов к взрослой жизни. Единственное, чего ему не хватает — это опыта, который и не возникает на пустом месте, а приобретает в собственной активности; на то он и опыт. А его негативизм, обостренное чувство независимости и стремление к самостоятельности (об этом, я думаю, надо поговорить отдельно) большей частью проистекает из противодействия нашему взрослому произволу, нашему безоглядному и неусыпному контролю.

Не так уж рьяно подросток стремится отделить себя от общества взрослых и «купаться» в мире общения со сверстниками. Не так уж ретиво он восстает и против авторитета взрослых. Просто мало среди нас достойных — с точки зрения подростка. Слишком уж мы непоследовательны и необязательны, слишком слабы и телом и духом — с точки зрения его черно-белой логики. Стоит только появиться действительно авторитетному для подростка лицу — и он готов часами делить время с ним, готов следовать за ним по пятам, ловить каждое слово. И не обязательно авторитетность взрослого совпадает с нашими мерками. Для подростка авторитет «вора в законе» может стать образцом для подражания: его линия поведения, жизненный кодекс более четки и определены, чем линия поведения других людей; и он уж обязательно последователен в своем поведении — чего не скажешь о множестве других.

Не жажда протеста, а невозможность вынести всю ту противоречивость, что несут взрослые, невозможность без потерь для себя поделиться с другими, даже с самыми близкими людьми — вот из чего произрастает недоверчивость, угрюмость, замкнутость подростка.

К тому же, неизбежное в нашей

культуре чувство вины (недавно в наших исследованиях были зафиксированы чрезвычайно высокие показатели этого и у педагогов, и у школьников самых различных районов нашей державы) порождает у детства и подростничества привычку искать в себе самом причины плохого отношения родителей и других значимых взрослых; а затем искать виноватых вокруг себя. По сути дела, и вообще привычка искать виноватых, и склонность обнаруживать их в рядом живущих — это приобретение взрослых, с годами нарабатываемая защитная реакция личности. Подростка такая привычка сперва возмущает; но как часто, в силу обстоятельств, он сам приобщается к этому неизбывному чувству...

Не так уж рьяно подросток ищет общения со сверстниками, а уж тем более, интимно-личностного общения. Прислушайтесь к разговорам подростков: это большей частью «разговор глухарей»: наперебой и каждый о своем. Единственная прелесть этих бесед для подростков — в том, что они почти не мешают друг другу выговориться. Лишь на время более сильный приостановит другого: «А ты молчи...»; но высказав свое, не будет «воспитывать» сверстника (не то, что мы, взрослые...). В общении со сверстниками можно просто испытать себя, можно поделиться мыслями, как бы они ни были неприемлемы для взрослых.

...И в тех редких семьях, где подростку помогают постепенно обрести опыт самостоятельного поведения, где в общении с подростком сами взрослые учатся по-новому разрешать возникающие проблемы, где авторитет взрослых подкреплен видимым для подростка делом и не мешает эмоциональным контактам детей со взрослыми, мы сталкиваемся с подлинной культурой человеческих отношений. Там для мифов, считающих подростка то ли существом на грани срыва, то ли негативистом-«отщепенцем», просто нет оснований...

Искусство прощать обиды

Юрий Орлов,
доктор психологических наук

Что происходит во мне,
когда я обижаюсь?

Обида неприятна. Обида — это страдание, возникающее в самой «нежной части души» и которого любой из нас старается избежать. Естественно, обида возбуждает защитные действия, и среди механизмов защиты наиболее древние — бегство и нападение с соответствующими эмоциями страха и гнева. Но поскольку от обиды не убежишь (она — со мной, в моей душе), то остается только одно средство: нападение. Миллионы лет наши предки избавлялись от страдания или бегством или нападением.

Обида вызывает гнев, хотя мы его не всегда выражаем. Потому-то обиженная женщина (из нашего примера в прошлом номере) в конце концов устроила скандал своему мужу. Но заряд агрессии был слишком велик, и женщина разделила его поровну: между соседкой и учительницей. Тут и состоялась разрядка, принеся облегчение.

Когда я гневен, мне легче, так как психическая энергия при этом отнимается от обиды и концентрируется в эмоции гнева, и потому я перестаю переживать обиду. Ведь страдание обиды «тонкое», в то время как гнев «работает» в более грубой части души, протекает по застарелым каналам поведения. Гневу миллионы лет, он старше, а способность обижаться возникла лишь при моей индивидуальной жизни. Поэтому в гневе я не обижаюсь, а гневаюсь. От этого вроде легче. Поэтому обидчивые обычно злы.

Гнев отнимает психическую энергию от обиды и берет ее для собственного пользования, ведь для реализации гнева нужна энергия. Поэтому, как только я начинаю сердиться, обида как бы ступевывается, я о ней уже не помню, так как мои мысли заняты только тем, как достойней ответить обидчику, как причинить ему какой-либо чувствительный ущерб. Обиженные всегда более или менее злы и агрессивны — так они защищаются, подыскивая возможность реванша, способного освободить от обиды.

Поскольку я обидчика по определению люблю, то возникает конфликт: гнев на того, кого люблю. Самосознание удерживает меня от явного нападения, но я нападаю на обидчика в уме. Эта умственная агрессия и сдерживаемый гнев разрушают мое тело, причиняют болезни. Обидчивые болезненны.

Обидчивость
памятна на обиды

Поскольку в прошлом, когда я обижался, то всегда испытывал гнев, то и сейчас этот гнев, по ассоциации заставляет меня вспоминать все прошлые обиды. Когда мы ссоримся, то становимся особо внимательны на прошлые обиды. Они легко и сами собою вспоминаются и, таким образом, вовлекают меня в основательный скандал. А если я сдерживаю свой гнев, не обнаруживаю во мне, то он концентрируется и стимулирует работу памяти, направленную на воспоминание прошлых обид; внешне как будто все спокойно, а напряжение возрастает, и оно всегда найдет повод проявиться. Вы присутствовали при семейных сценах? Удивительно, как много обид ссорящиеся вспоминают! А в нормальном благодушном состоянии они не помнят эти обиды.

Обижаясь,
я наказываю другого
чувством вины

Обида — довольно мучительный способ управления поведением обидчика, а цель его — вызвать чувство вины у обидчика. Когда мать (жена) управляет близкими, часто обижаясь и вызывая у них чувство вины, то она, сама того не подозревая, использует достаточно жесткое и беспощадное средство воздействия. Близкие в этом случае от постоянной бдительности и боязни снова обидеть любимого человека все сильно невротизируются. Я не знаю более вредоносного существа для ребенка, чем обидчивая и чрезмерно чувствительная мать, беспощадно эксплуатирующая любовь к ней и вызывающая невроз вины.

Обидчивые одиноки

Когда я обижаюсь на близкого мне человека, он страдает от чувства вины. Если я обижаюсь часто, то столь же часто мучаю любимого человека чувством вины. Этот мрачный тиран вины беспощаден и мучителен. Поэтому с обидчивыми людьми предпочитают не общаться. Обидчивые матери и жены одиноки. Почти все одинокие люди, по моим наблюдениям, очень ранимы и их почти невозможно любить, хоть чем-нибудь не обижая. Поэтому им может помочь только одно: саногенное мышление, которым они должны овладеть и которое избавит их от чрезмерной обидчивости.

Как овладеть эмоцией?

Если я знаю, в результате каких умственных действий возникает эмоция, то я смогу контролировать эти действия. Если зависть происходит от сравнения себя с другим, то отказавшись от сравнения, я уничтожаю зависть. Точно так же и обида состоит из некоторых умственных операций, контролируя которые, я могу устранить обиду. Я должен знать эти операции, чтобы их видеть умственным взором и контролировать.

Как устроена обида?

Здесь я позволю несколько абстрактных суждений.

Обида возникает, когда другой ведет себя не так, как я привык или как я ожидаю от него, а иначе, по моему мнению, хуже, чем должен себя вести.

В обиде можно выделить три элемента:

а) мои ожидания относительно поведения другого человека, ориентированного на меня; в этих ожиданиях мой ум моделирует то, как должен вести себя данный человек по отношению ко мне;

б) восприятие поведения другого, которое неблагоприятно отклоняется от моих ожиданий, ведь он как бы пренебрегает ими;

в) акт сличения ожиданий и реальности, то есть тут налицо оценка, суждение, в результате которых переживается «разорванность» моей души. Это причиняет страдание, именуемое обидой.

Любое рассогласование ожиданий и реальности, действия и результата, любая дезинтеграция целого, вызывает неприятность. Даже такие пустяки: я вошел в темную комнату и нажал на выключатель, но света нет; или другой случай —

здесь должен лежать нужный мне карандаш, а его почему-то нет.

Нетрудно понять, что обида не может возникнуть, если мой ум не будет выполнять эти операции:

строить нереалистичные ожидания, придавать им значение; сравнивать наблюдаемое поведение другого с моими ожиданиями.

Повторяю, если одна какая-либо из этих операций выпадет из целостной системы реакций, то обиды не будет. Кажется, стоит только прекратить эти умственные действия, и я перестану обижаться. Но это не так просто, ведь мой ум непослушен, неуловим, я не могу его остановить, так как эти умственные операции протекают автоматически, сами собою, по привычке моего ума действовать так, а не иначе, ибо особенность привычек в том и состоит, что они действуют вопреки моему намерению. Моя обида — это мои дурные умственные привычки.

Я не могу эти умственные действия остановить до тех пор, пока они осуществляются бессознательно. Но если мне удастся осознать их, тогда я буду в состоянии контролировать эти действия, и в моей власти будет — совершать их или нет.

Следовательно, по мере того, как я буду осознавать изнанку моих эмоций, я стану приобретать власть над ними.

Как ослабить обиду?

1. Я должен сделать объектом умозрения мои ожидания относительно другого: «Как должен был бы вести себя обидчик, чтобы я на него не обижался?»

2. Нужно понять: «Почему он ведет себя именно так, а не иначе?»

3. Мне необходимо принять другого таким, каков он есть, то есть более чем простить — признать реальной его свободу, его право вести себя как ему угодно, даже обижать меня.

Несколько психотерапевтических закономерностей.

Для ослабления эмоции я должен в состоянии благополучия и спокойствия вспомнить свои обиды и угасить их «скрытый пламень», хранящийся в душе. Повторение умственного поведения, связанного с неприятными переживаниями, повторение образов неприятных чувств в состоянии покоя ведет к тому, что мы лишаем неприятные переживания той психической энергии, без которой они бессильны, и становятся угасшими угольками. Это обычный прием психотерапии.

Однако мне его трудно реализовать, так как, когда у меня хорошее настроение, то я обычно не помню прошлых обид, а их нужно вспомнить, чтобы угасить. Поэтому я рекомендую вести дневник обид. Тогда достаточно будет посмотреть в дневник, как обида вспомнится, ее можно будет проанализировать и сознательно погасить.

Как провести самопсихоанализ обиды?

Нужно проанализировать свои ожидания, которые вы распространяете на другого человека.

Откуда берутся мои ожидания?

Наши ожидания определяют культурными стереотипами, указывающими, как должен вести себя человек в отношении другого человека в разных обстоятельствах. Но обстоятельство много и людей много. Пришлось всю эту немислимую сложность условно упростить, чтобы как-то ее понять. И было выработано представление о ролях, которые как бы программируют поведение человека в определенных обстоятельствах.

Представление о роли и ролевых ожиданиях дает мне возможность легко предвидеть, как будет или должен поступать тот или иной человек в соответствии с неким сценарием, связанным с этой ролью. Если это — жена, то мои ролевые ожидания будут иными, нежели в случае, когда передо мной сестра или любовница. Если этот другой — мой сын или мой отец, то мои ролевые ожидания позволяют предвидеть, как они будут обращаться со мной. Конечно, при этом придется делать некоторые поправки на индивидуальные особенности данного человека, чью «типовую» роль я представляю.

Размышляя о своих ожиданиях, я должен ответить на вопросы: откуда берутся мои ожидания? Насколько они реалистичны? Существует ли возможность скорректировать их в направлении большей реальности? Что мешает мне совершить эту коррекцию?

Этот анализ моих ожиданий нужен для того, чтобы ответить на вопрос:

Насколько мои ожидания реалистичны?

В обиде обнаруживается, что мои ожидания нереалистичны и человек, на которого я обижаюсь, почти никогда не соответствует им. Я могу спросить себя, а может ли этот человек вести себя в соответствии с требованиями, которые я мысленно предъявляю ему?

Попробуйте поставить себя на место другого — и тогда совсем нетрудно будет понять, что возможно требовать от него и что невозможно. Это умение поменаться ролями с другим и взглянуть на себя глазами другого является признаком мудрости и гибкости мышления. Размышляя над своими обидами, я должен буду делать это, и со временем мое восприятие других станет более реалистичным. Инфантильность и эгоцентризм как раз состоят в неспособности принять точку зрения другого человека.

Если вы обнаружите, что ваши ожидания нереалистичны и что другой никогда так не будет вести себя, как вы от него ожидаете, то вам легко будет отказаться от своих притязаний или разумно скорректировать их. Это сразу же ослабит напряжение и силу обид. Тут лучше всего задавать себе вопросы:

Как он должен был бы вести себя, чтобы я не обиделся?

В какой степени мои ожидания реалистичны?

Откуда взялись мои ожидания?

Может ли близкий мне человек соответствовать этим ожиданиям?

Знает ли он о них?

Если я смогу ответить на эти вопросы и приблизить свои ожидания к реальности, то обида уменьшается.

Успеху освобождения от обид мешают культурные стереотипы и установки вроде:

«Если я его уважаю и люблю, то он должен быть только хорошим. Уважающий и достойный человек не может любить плохих. Других же, которых не люблю, я могу принять не только хорошими, но и плохими».

Этот ложный ход мысли делает меня нетерпимым к недостаткам других. В его основе лежит формула: «Любят только хороших». Разумеется, это типичная лже-аксиома. Жестокая, скрывающая гордыню страшного самодовольства: считающий ее истиной должен видеть себя безусловно хорошим.

Эффект от размышлений об обиде будет больше, если вы все опишете в дневнике. Я буду рад получить от вас Сочинения о ваших обидах. Гарантирую неразглашение. Мой адрес: 117321, Москва, а/я 67, Орлову Ю. М. Я могу ответить на ваши вопросы. Работа над собою существенно уменьшит вашу обидчивость.

Однако остается открытым вопрос, как быть с обидчиком?

Об этом — в следующий раз.

Токсоплазмоз: коварен и очень опасен

С. Мартынов

Мальчику немногим более десяти лет. Беременность данным ребенком была у его матери первая, протекала она тяжело. Будущей матери говорили, что ребенок может родиться мертвым (сердцебиения плода выслушивалось неотчетливо, и шевеление его мать ощущала плохо). Но беременность тем не менее закончилась довольно благополучными родами, родился доношенный мальчик массой тела в 3,2 килограмма, закричал сразу, грудь матери взял при первом прикладывании.

На первом году жизни ребенок часто болел, в своем развитии заметно отставал от сверстников. Самостоятельно научился сидеть только после года, ходить — с трех лет. В возрасте девяти лет был допущен к занятиям в классе умственно отсталых детей.

При обследовании было установлено: мальчик отстает в физическом развитии, мышечная система развита плохо, тонус мышц резко снижен. Нервно-психическая сфера: мальчик входит в контакт неуверенно, походка неустойчивая, движения шаткие. Все время беспорядочно водит руками в воздухе, тербит пуговицы своей одежды. Говорит отдельные слова, но чаще на все вопросы отвечает нечленораздельными звуками. По характеристике педагога за год учебы во вспомогательной школе научился произносить всего лишь несколько простых слов, приобрел простейшие практические навыки (может по просьбе учителя открыть форточку, стирает строки, написанные мелом на школьной доске).

Врачебный диагноз: олигофрения на почве врожденного токсоплазмоза.

Как вы, очевидно, уже догадались, эти строки взяты из истории болезни.

К сожалению, во врачебной практике такие случаи нет-нет да и встречаются, особенно в тех местах, где человек и домашние животные сосуществуют в непосред-

ственной близости. Дело в том, что токсоплазмоз относится к числу так называемых зоонозов. Или, другими словами, тех болезней, которые передаются от позвоночных животных к человеку.

Как болезнь человека токсоплазмоз стал известен сравнительно недавно, и поэтому мало кто знает об этой болезни, способной причинять огромный ущерб детскому здоровью.

Возбудитель токсоплазмоза впервые был открыт в 1908 году двумя французскими учеными К. Николе и С. Мансо, которые обнаружили паразита в организме северо-африканских грызунов. Если взглянуть через микроскоп на этого паразита, то по своему внешнему виду он напоминает полумесяц или своеобразную арку. Отсюда и название заболевания, которое происходит от латинского слова «токсон», что в переводе означает — арка.

Первоначально ученые считали, что токсоплазмоз встречается только у диких и домашних животных — у крупного рогатого скота, собак, кур и различных грызунов. Однако спустя 14 лет появилось первое врачебное описание токсоплазмоза у человека, а затем количество выявленных больных стало расти.

Но особенно большое внимание медицинской общественности это заболевание привлекло после установления факта, что токсоплазмоз может вызывать случаи врожденных уродств, мозговые повреждения и слепоту. С этого момента во многих странах было начато массовое обследование населения на зараженность токсоплазмами. Так, например, во многих странах с развитым животноводством были выявлены сотни людей с положительными пробами на токсоплазмоз. (Кстати, у нас в стране таких широкомасштабных исследований еще не проводилось.) Все это говорит о том, что токсоплазмоз, особенно при постоянно расширяющихся международных связях, требует к себе определенной настороженности.

Особенность и одновременно коварство этой инфекции заключается в том, что, став ее жертвой, человек может об этом и не знать, ибо внешне это никакими симптомами не проявляется. А тем временем токсоплазмы разносятся с током крови по всему организму и оседают в мышцах и различных органах. Окружая себя плотной оболочкой, они здесь образуют скоп-

ления — цисты, с которыми человек может прожить всю жизнь, ни на что особенно не жалуясь. Только обнаруживаемые при специальных исследованиях крови антитела к токсоплазмам свидетельствуют о том, что произошло заражение токсоплазмозом. И так бывает чаще всего.

В ряде случаев токсоплазмоз протекает в острой форме под масками гриппа или гриппоподобных заболеваний. Заболевание проявляется высокой температурой тела, головной болью, болью в мышцах и суставах. Нередко при этом поражаются лимфатические узлы. В таких ситуациях заболевание попадает под контроль врачей. А надо сказать, что токсоплазмы боятся химиотерапии.

И все же самую большую опасность токсоплазмы представляют тогда, когда они попадают в организм беременной женщины. Причем не имеет значения, являлась ли женщина скрытой носительницей паразита, либо заболела уже будучи беременной. Если не будет назначено соответствующее лечение, опасности поражения плода не избежать. К сожалению, обследование беременных женщин на токсоплазмоз пока не везде еще доступно. Наиболее реальная мера борьбы с этой информацией — личная профилактика.

Поскольку токсоплазмы живут только в организме теплокровных животных, человек заражается именно от них. Наиболее часто носителями токсоплазм являются кошки и собаки. В кишечнике этих домашних животных токсоплазмы проходят цикл своего развития, в результате которого образуются наиболее устойчивые формы этих паразитов — ооцисты, выделяемые с фекалиями. Ооцисты имеют прочную оболочку и поэтому долгое время, находясь в земле, способны сохранять болезнетворность. Кошки и собаки, особенно бродячие, загрязняют землю дворов, песочницы на детских площадках.

Есть и другой путь распространения токсоплазмоза. Возбудители заболевания паразитируют в виде цист во внутренних органах и мышцах крупного рогатого скота, овец, свиней и птиц. Употребление в пищу недостаточно термически обработанного мяса, содержащего токсоплазмы, может стать причиной заражения. Нередко хозяйки, проверяя, хорошо ли посолен фарш для того или иного блюда, пробуют его сы-

рым. Этого делать не следует. Эффективное средство предупреждения токсоплазмоза — тщательная термическая обработка мяса.

Токсоплазмы могут проникать в организм человека и через царапины и ссадины кожи и слизистых оболочек. Вот почему во избежание опасности так важно не допускать, чтобы животные облизывали детям руки и лицо. (В такой же степени это, конечно, касается впрямую и взрослых.)

Но, повторяю, особенно осторожными должны быть беременные женщины. К числу наиболее подверженных риску относятся все, чей труд связан с работой в животноводстве и мясоперерабатывающей промышленности.

У человека всегда было двойственное отношение к животному миру. С одной стороны, животные издавна служили ему источником пропитания, а с другой он с незапамятных времен любил их и постоянно стремился к их обществу. К сожалению, это сближение порой несет в себе угрозу для здоровья человека. Степень риска можно максимально ослабить, если помнить об этих опасностях.

*Продолжаем разговор
о тревожных признаках
острых заболеваний
у детей,
начатый в прошлых номерах*

Симптомы Опасных Состояний

Л. Хахалин,
доктор медицинских наук

Острые отравления

Среди самых распространенных в детском возрасте «аварийных» ситуаций второе место занимают бытовые отравления детей. Начиная с того, что всевозможные дезинфекционные и дезинсекционные (боракс, хлорофос и прочие), стиральные, пищевые (уксус, перец, маринады и подобные им) вещества нередко хранятся как попало, дети по своей неразумности и по нашей беспечности часто съедают ярко упакованные и небрежно хранящиеся медикаменты, ядовитые ягоды и грибы, становятся жертвами укусов ядовитых насекомых и животных (скорпионы, змеи и пр.).

Три четверти всех случаев отравлений детей приходится на первые

три года жизни. Отравления, но уже сознательные, с попыткой покончить с собой, в небольшом числе встречаются также у подростков. Особое место среди острых отравлений у детей и подростков занимают случаи целенаправленного употребления наркотических веществ различной природы.

Признаки отравления подразделяются на специфические (то есть присущие определенным химическим соединениям) и неспецифические — то есть не зависящие от химических свойств.

На первое место при большинстве отравлений выходят неспецифические признаки поражения центральной нервной системы — головного мозга. Угнетение сознания или возбуждение ребенка, судороги или полная прострация — вот что обращает на себя внимание и в большинстве случаев довольно точно отражает степень и серьезность отравления.

На втором месте — признаки поражения желудочно-кишечного тракта. Это связано с тем, что преобладающий способ попадания ядов и токсинов в организм ребенка — через рот!

Все остальные внешние проявления отравлений — нарушения дыхания и сердечной деятельности, аллергические реакции, поражения печени, почек, крови — не так очевидны в большинстве случаев.

Лишь в небольшом числе случаев — как правило, когда использованное ребенком вещество имеет знакомый цвет, запах или вкус — удается более менее точно установить причину поражения ребенка. Это имеет определенное значение, но для медиков. Ваша задача — предпринять все необходимые меры для поддержания жизненно важных функций организма ребенка до оказания ему помощи специалистами.

Как надо поступить и что надо сделать?

НЕМЕДЛЕННО ВЫЗВАТЬ ВРАЧА или ДОСТАВИТЬ РЕБЕНКА В МЕДИЦИНСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ! ВНИМАТЕЛЬНО ОСМОТРЕТЬ РЕБЕНКА.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА:

запах от одежды, изо рта, от рвотных масс, мочи или кала;

состояние сознания (оно может быть ясным, спутанным, отсутствовать);

размеры зрачков (суженные или расширенные?);

потоотделение;

цвет кожи (очень бледный, синюшный, красный. На коже могут появиться сыпи, пятна, кровоподтеки, язвы);

температуру тела;
дыхание и сердцебиение.

ПРИДАТЬ ТЕЛУ РЕБЕНКА ПРАВИЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (обычная ошибка — подсаживать ребенка):
положить на мягкое покрытие — при судорогах, потере сознания;

удерживать туловище и конечности при пароксизмах судорог (стараясь не переусердствовать при ограничении движений, потому что известны случаи получения детьми в результате слишком энергичного удерживания травм, вывихов и переломов);

повернуть на бок или живот при рвоте (при невозможности — повернуть только голову).

ПРИНЯТЬ САМЫЕ НЕОТЛОЖНЫЕ МЕРЫ:

освободить от загрязненной токсическими веществами одежды;

обмыть пораженные участки тела теплой водой;

обеспечить доступ чистого воздуха (вынести ребенка из помещения, энергично проветрить его и т. п.);

попытаться нормализовать температуру тела физическими способами (согреть или охладить за счет одежды, грелок или вентиляторов и пр.);

промыть полость рта и желудок (в любом случае — теплой водой). Если отравление не сопровождается ожогом слизистых оболочек — раствором 1 столовой ложки поваренной соли на 1 литр воды или раствором «марганцовки» розового цвета. Промывания необходимо применять многократно!).

**Ориентировочные дозы
для промывания желудка
в зависимости
от возраста ребенка**

3—4 месяца	до 100 мл
9—12 месяцев	до 200 мл
до 2 лет	до 200 мл
до 5 лет	до 300 мл
до 7 лет	до 400 мл
до 15 лет	до 500 мл

Ядовитые растения

Яркий цвет многих дикорастущих ядовитых растений и дразнящие запахи, идущие от них, привычка все тащить в рот — вот основные причины попадания в организм опасных для здоровья веществ. Обычная для нас «воспитательная работа» — окрик «Не трогай! Не бери в рот! Выплюни сейчас же!», как показывает практика, малоэффективна, потому что детям недостаточно запрета: им необходимо подробное объяснение.

Особенно часто от отравлений ядо-

витыми растениями страдают дети-горожане, не обученные различать опасные и безопасные растения, ягоды и грибы. Отпуская своего ребенка летом «пастись» в лесах и полянах вокруг дачи, вы должны быть уверены, что он по крайней мере знает, как выглядят опасные для него растения, грибы и ягоды. Неплохо бы вам самим стать специалистом в этом несложном деле. Ведь достаточно один раз внимательно и серьезно приглядеться к ядовитым растениям, чтобы потом не попасть в беду.

Итак, некоторые наиболее распространённые ядовитые растения и признаки отравления ими.

Белая акация: кора и корни. Местное воспаление (жжение, зуд, покраснение кожи или слизистых оболочек), поражение центральной нервной системы (сонливость, угнетение сознания).

Черная белена: все части. Местное раздражение слизистых оболочек, психическое и двигательное возбуждение. Сухость во рту, расширение зрачков, галлюцинации.

Болитоголов пятнистый: нектар. Раздражение желудочно-кишечного тракта. Головная боль, головокружения, узкие зрачки, угнетение дыхания, судороги.

Борщевик: все части. Местное раздражение кожи, оставляющее пигментацию.

Бузина: ягоды. Угнетение сознания, судороги, сердечная слабость.

Волчье лыко: все части. Местное поражение кожи и раздражение желудочно-кишечного тракта.

Дурман: листья и семена. См. Белена.

Ландыш майский: стебель и цветы. Нарушения ритма сердечной деятельности, боли в сердце.

Молочай: все надземные части. Местное раздражающее действие на кожу и желудочно-кишечный тракт.

Папоротник: корень. Раздражение желудочно-кишечного тракта, нарушения зрения.

Табак настоящий: все части. Угнетение сознания, тошнота, рвота, специфический запах.

Приглашает ВЗМШ

Открытый лицей "Всероссийская заочная многопредметная школа (ВЗМШ)" Российской Академии образования, работающий при Московском государственном университете имени Ломоносова, приглашает школьников старших классов, учителей, методистов, руководителей кружков, преподавателей вузов, работающих со школьниками, со студентами — будущими учителями, просто всех желающих для заочного обучения на одном или нескольких отделениях.

Наши отделения: математики, биологии, физики, филологии, экономики.

ВЗМШ имеет тридцатилетнюю историю. За это время из заочной математической школы, в которой учились 1500 десятиклассников, она превратилась в многопредметную, ее закончили свыше 100 тысяч школьников, с ней тесно сотрудничали и продолжают иметь контакты в общей сложности более 10 тысяч учителей средних школ.

Одна из ярких черт ВЗМШ — наличие групп "Коллективный ученик". Это кружки (как правило, школьные, но есть и при вузах, и при НТТМ), работающие по тем же программам и пособиям под руководством учителя, студента, педагога дополнительного образования и т. д.

Учащиеся ВЗМШ частично возмещают расходы на свое обучение. Лицей — некоммерческое учреждение дополнительного образования, наша цель не получение прибыли, а помощь всем интересующимся разными областями знания. Необходимость возмещения некоторой части расходов вызвана реакцией подорожанием услуг почты и типографских работ, на что не хватает выделяемых школе бюджетных средств. Впрочем, если учащийся не в состоянии нести эти расходы, по его заявлению ВЗМШ освобождает его от платы.

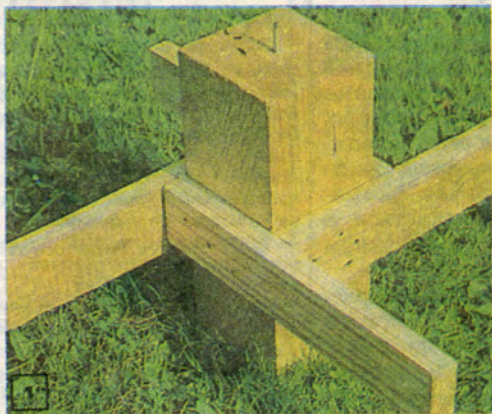
Сейчас прием на индивидуальное обучение на отделения биологии и физики на 1994/95 учебный год закончен. Прием на отделения математики, филологии и экономики продолжается до 15 октября 1994 года. Условия вступительных задач можно найти в № 11-12 журнала "Квант" за 1993 год, в № 1 журнала "Наука и жизнь" за 1994 год, а также получить их по запросу, присланному в адрес ВЗМШ. Набор в группы "Коллективный ученик" на все отделения продолжается до 31 октября 1994 года.

Чтобы учиться на отделении математики, надо к началу учебы усвоить школьный курс в объеме 8 классов (для поступающих на трехгодичный поток), 9 классов (на двухгодичный) или 10 классов (одногодичный); аналогичные требования на других отделениях (на биологическом отделении — 8 или 9 классов, на физическом — 9 или 10 классов, на филологическом — 7, 8, 9 или 10 классов, на экономическом — 8, 9 или 10 классов).

Новый прием на 1995/96 учебный год будет проведен весной 1995 года. Подробные сведения о нем можно будет найти в последнем номере журнала "Квант" за 1994 год, в первом номере журнала "Наука и жизнь" за 1995 год, а также узнать непосредственно в ВЗМШ.

Наш адрес: 119823, ГСП, Москва, В-234, МГУ, ВЗМШ.

Телефон: (095) 939-3930.

чанной камеры. Замерять его высоту лучше по месту, положив на землю, чтобы не ошибиться.

Затем нужны еще 4 доски шириной 6 см, толщиной 2 см. Длина их тоже зависит от размера камеры. Доски прибейте, как показано на фотографии (1). Вся эта крестовина должна плотно держаться внутри камеры — враспор (2).

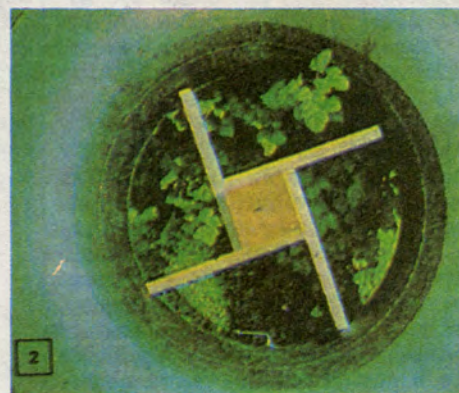
идеи для лета

На маленьком
плоту,
сквозь бури,
дождь и грозы

Может, будут еще теплые дни и удастся поплавать на таком плоту. Давайте все-таки соорудим его. Не пригодится сейчас — через год ведь опять будет лето.

Сначала надо обзавестись автомобильной камерой, желательно от грузовика. По ее размеру будем подбирать остальные части нашего плота.

В первую очередь понадобится брусек сечением 10х10 см, высотой по размеру нака-

Для мачты нужно взять палку сечением 3 см, длиной 180 см. Для того, чтобы закрепить ее, на бруске нужно ввернуть шуруп. (3).

Теперь остается сделать настил из реек. В средней рейке просверлите отверстие диаметром 3 см для крепления мачты. Готовый настил прибейте четырьмя гвоздями к бруску, насадите на шуруп мачту и все покрасьте.

Когда краска высохнет, прикрепите флажки и можно спускать наше плавсредство на воду.

Имейте в виду, что ребятам, которые не умеют плавать, пускаться в путешествие на таком плоту не следует. И запомните: никаких шалостей на воде.

И ни в коем случае нельзя находиться на воде в грозу, хотя и поется об этом так романтично в одной хорошей песне.

Счастливого плавания!

идеи для лета

Один на качелях

Успеем еще порадовать своего малыша новыми качелями. Такие качели и безопаснее обычных и меньше для них места нужно. Прикрепить их можно на ветке дерева или прямо у стены дома.

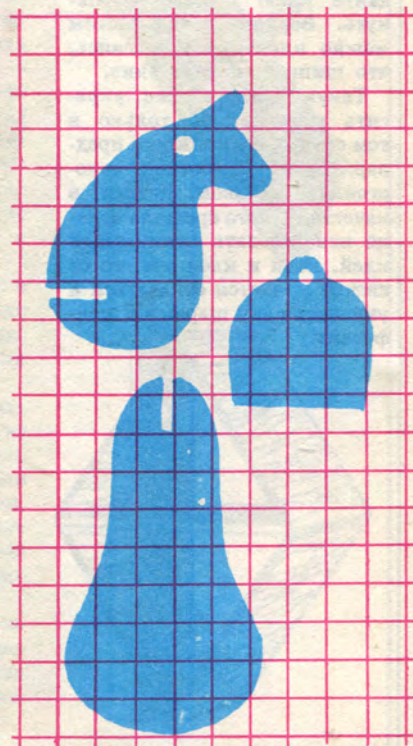
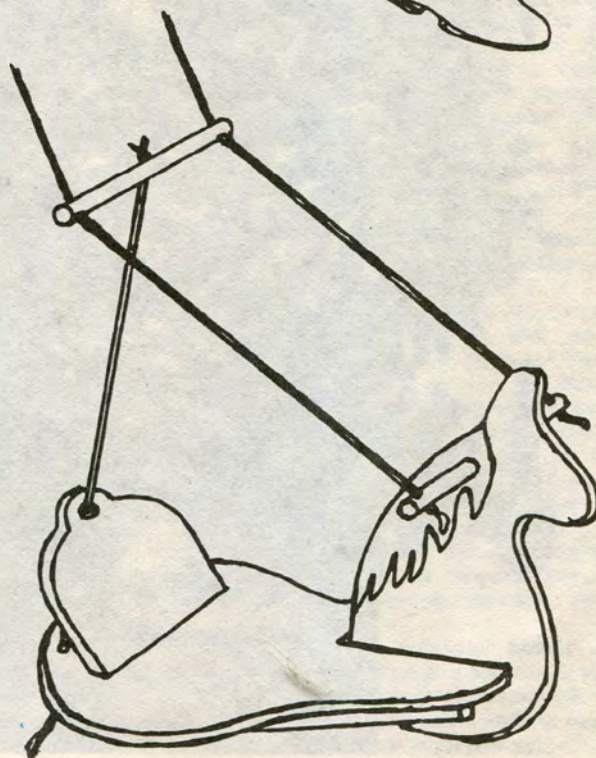
Собираются качели из трех деталей. На нашем чертеже одна клетка — 5х5 сантиметров.

Для крепления сиденья нужны будут две планки.

Для сборки понадобятся шурупы и клей. Спинка качелей крепится с помощью деревянных шпиров на клей. Ручки для надежности лучше сделать из одной круглой палки, просунув ее в отверстие в голове лошадки.

Как крепить веревки, видно на рисунке. Задняя веревка проходит в отверстия на спинке и на краю сиденья и снизу завязывается большим узлом.

Хвост и гриву для лошадки можно сделать из веревки.

На ёлке растут сосновые шишки

Лето. Самое время подумать о Новом годе. Сейчас елку можно не делать, но запастись шишками лучше летом. Сбирать надо сосновые шишки — у них плоское основание, так что легче будет крепить их на каркас.

Для каркаса палку или небольшого сечения трубку устанавливают на подставку. Сам каркас елки делается из соломы, сухого камыша, тростника, осоки. Главное, стебли надо хорошо закрепить внизу на палке. Затем концы поднять вверх и обмотать тонким шпагатом, придав каркасу форму конуса. После этого обернуть целлофаном или полиэтиленовой пленкой и обвязать шпагатом. В таком виде заготовку и шишки сложить в коробку и спрятать до зимы. А потом поближе к Новому году работу завершите, наклеив на каркас шишки. Совет на будущее: начинать наклеивать шишки лучше снизу. Желательно пользоваться универсальным клеем. Сделав первый ряд, дайте клею хорошо высохнуть. Верхние ряды потом можно клеить, не опасаясь, что шишки сползут вниз.

Такую елку можно украсить свечами, но только в том случае, если шишки предварительно обработаете огнестойким составом. Кстати, в качестве такого средства можно использовать силикатный клей. Если и клея нет, то от свечей придется отказаться и украсить елку шарами и конфетами.

идеи для лета

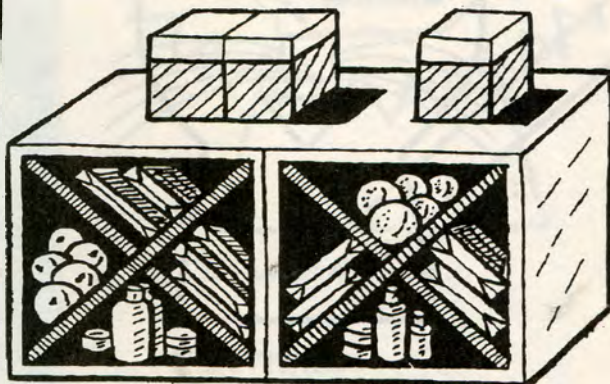
Трость

Летом ребята любят мастерить луки, стрелы, арбалеты. Переключите их внимание с этих опасных игрушек на полезное дело. Предложите сделать для дедушки или бабушки палку-трость.

Для этого надо вырезать подходящую палку из ольхи или орешника, снять с нее кору. Затем в кастрюлю с горячей водой опустить один конец палки и проварить на огне 20—30 минут. После этого древесина станет податливой и конец палки легко можно будет согнуть.

Для того, чтобы палка не выпрямилась после высыхания, согнутый конец прочно стяните шпагатом.

На готовой палке можно выжечь или вырезать ножом какой-нибудь орнамент.

мастерим

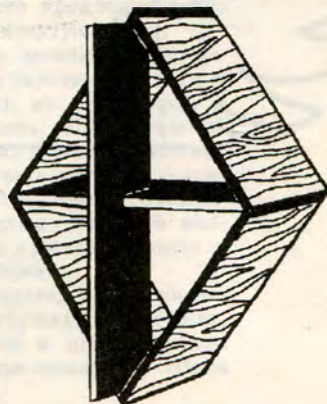
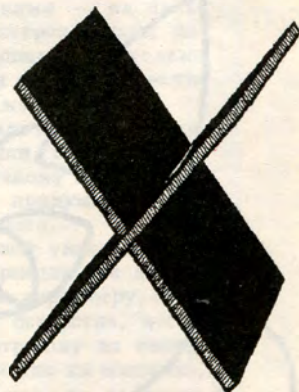
Что лежит на полке?

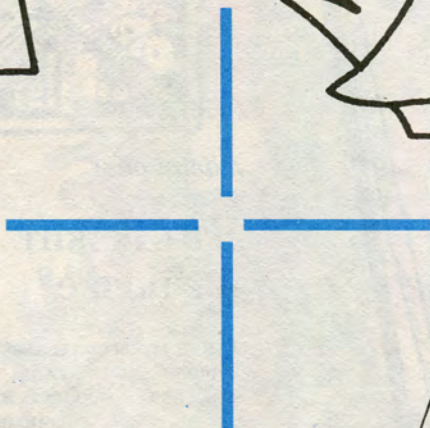
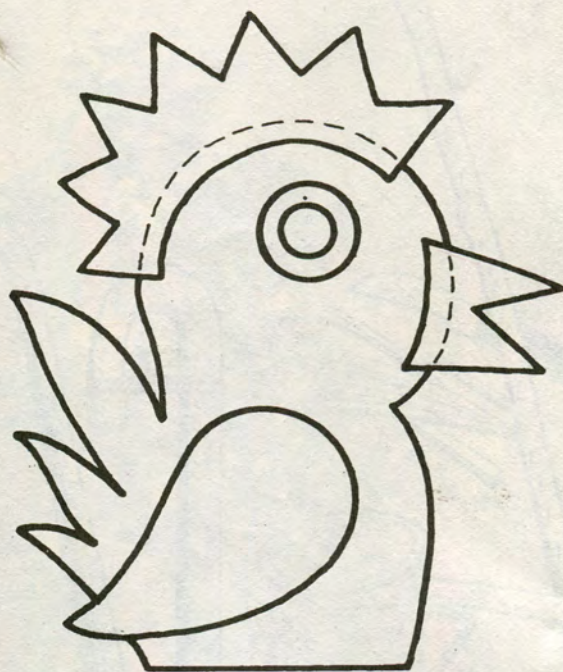
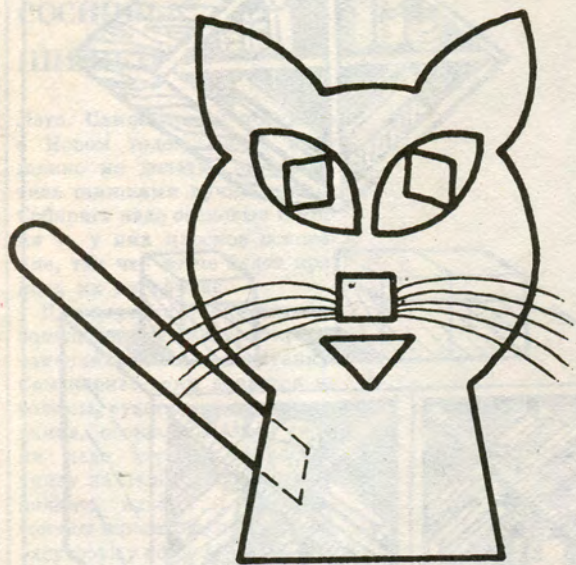
Такие диагональные полки хороши для кухни, кладовок, дачи. Сделать их даже проще, чем обычные горизонтальные. Чтобы сделать четыре отсека, достаточно в распор по диагонали шкафчика поставить две доски. Сначала надо вымерить длину досок, а затем в том месте, где они должны пересекаться, сделать пропилы до середины досок шириной в толщину доски.

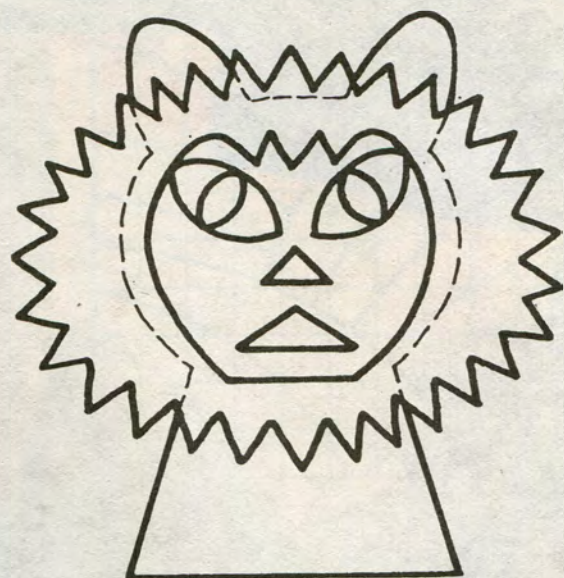
Такие полки удобнее еще и потому, что в них можно поставить и высокие банки, которые на горизонтальных полках не уместились бы.

Эти полки можно сделать не только из досок, но и из фанеры, оргалита. Главное, чтобы основной каркас был достаточно прочным. Кстати, для него вполне подойдут ящики из старых письменных столов, шкафов, тумбочек.

При желании полки можно покрасить масляной краской, покрыть морилкой или сделать какую-нибудь симпатичную занавесочку.

домашний театр

Куклы на пальцах

В домашнем кукольном театре куклы могут быть не только перчаточными, но и такими маленькими — на пальцах. Их быстрее делать, поскольку можно не только шить, но и склеивать, меньше нужно материала.

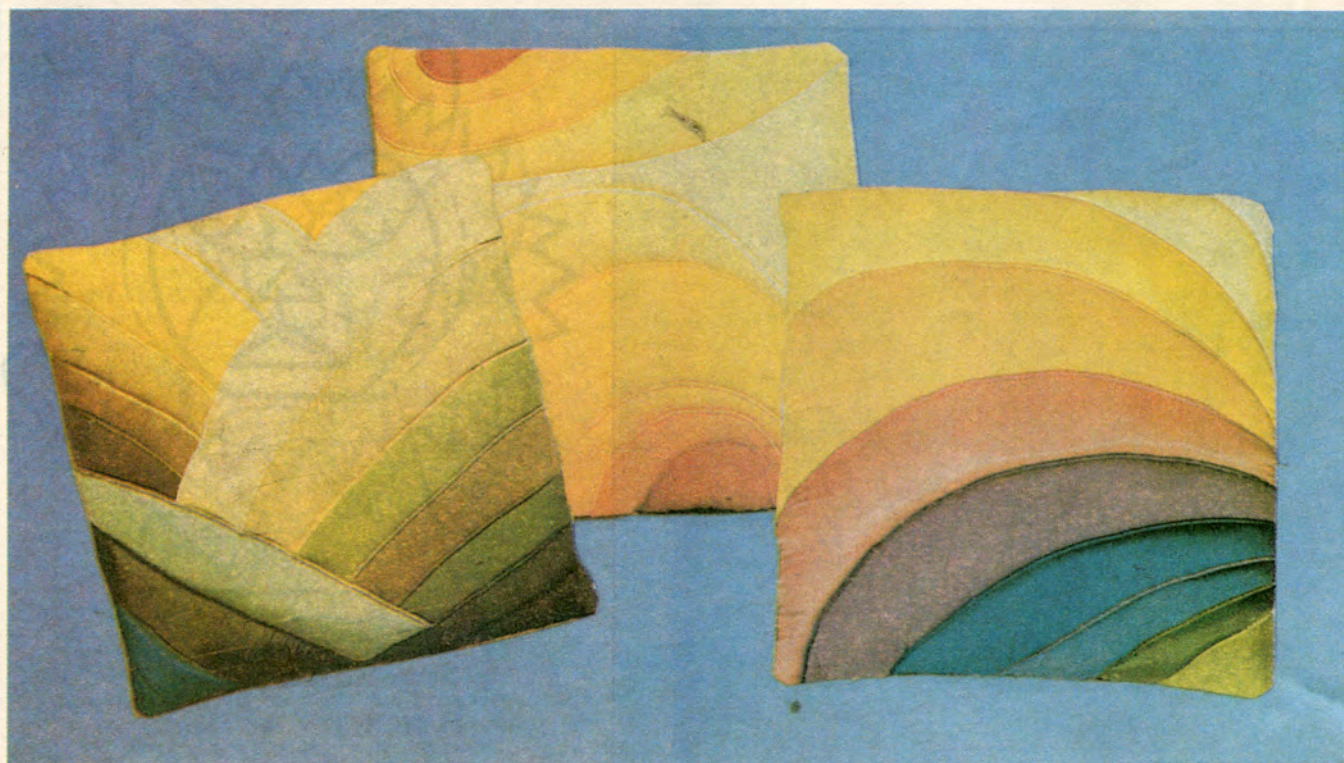
Для начала можете использовать наши выкройки, а потом по такому же принципу будете придумывать новые персонажи.

Из плотной ткани по выкройке вырежьте две детали и сшейте по периметру, оставив внизу отверстие, чтобы надевать игрушку на палец. Сшивать можно на машинке, а если ее нет, то на руках петельным швом через край или просто проклеивайте по контуру изнутри.

Мелкие детали можно вырезать из бархатной бумаги и лучше их не пришивать, а приклеивать. Пунктиром на выкройках показано, что эти детали вшиваются или вклеиваются внутрь, между основными деталями. Обратите внимание на крылья петушка и уши слоненка.

Не забудьте, что, если делаете игрушку в профиль, глаза, усы и прочие детали нужно приклеивать с обеих сторон.

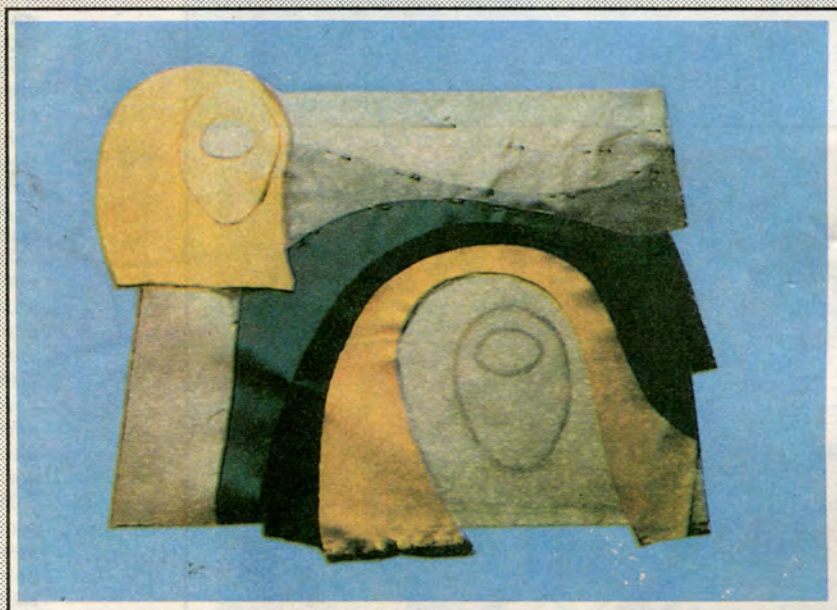
украшаем

Радуга на подушках

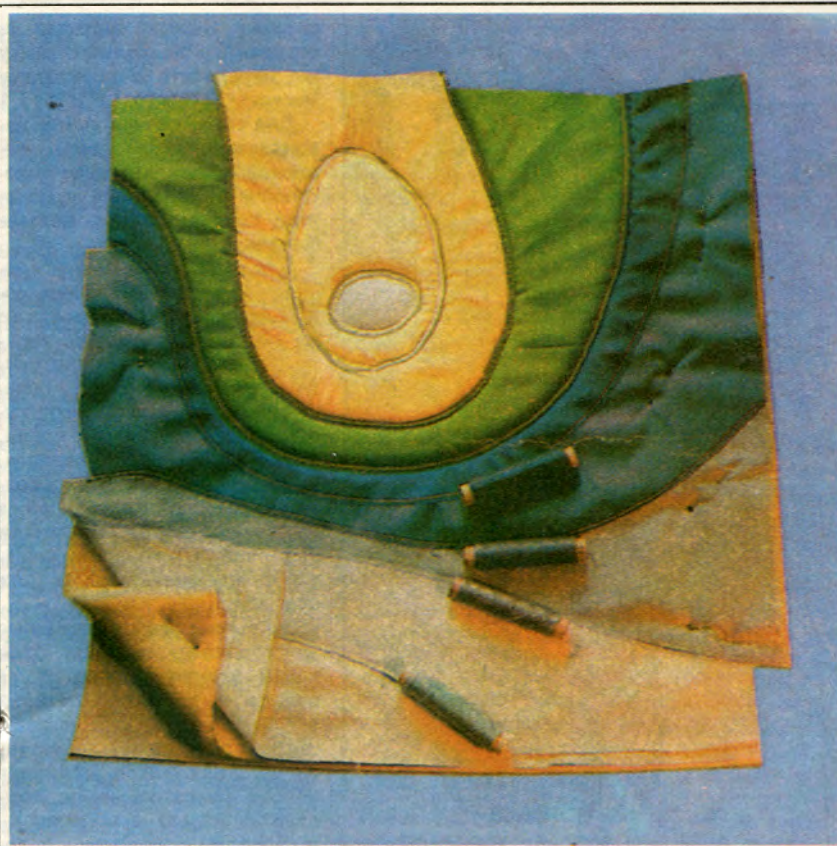
Каких только аппликаций мы с вами не делали — на подушках, ковриках, детской одежде. Так что навык у вас уже есть.

Предлагаем еще один вариант аппликации. Такие подушки делаются полностью из лоскутков, желательно из одинаковой ткани разных расцветок. Основное внимание нужно уделить подбору цветовой гаммы. Хорошо смотрятся нежные, не контрастные сочетания.

Не меньшее значение имеет и подбор лоскутков по фактуре. Если вы подбираете, скажем, атласные кусочки, то пришивать их надо только на блестящую сторону. Не следует сочетать отрезки ткани пусть даже очень подходящие по цвету, но разной плотности.

Для основы можно взять кусок любой несминаемой тонкой материи. Выкраивая детали по выкройке, обязательно сделайте припуски на строчку (1,5—2 мм), чтобы каждая следующая деталь слегка перекрывала предыдущую.

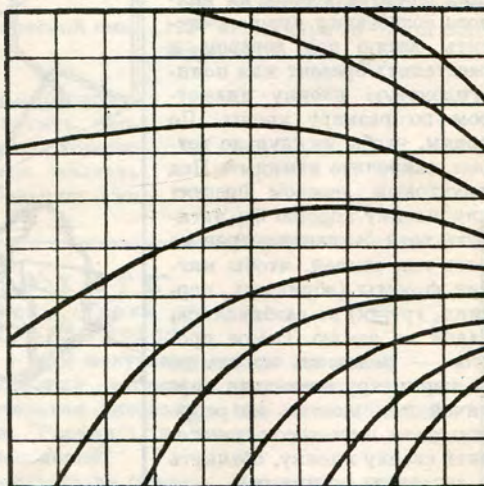
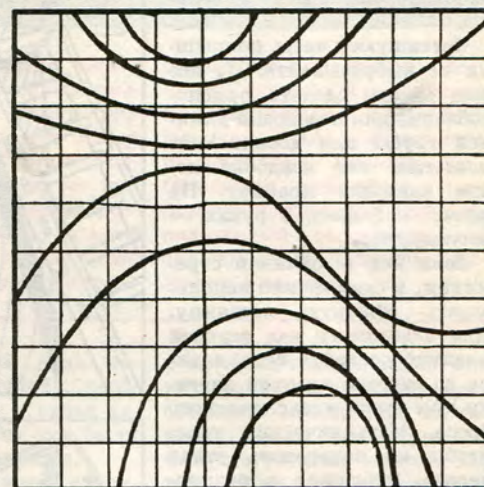
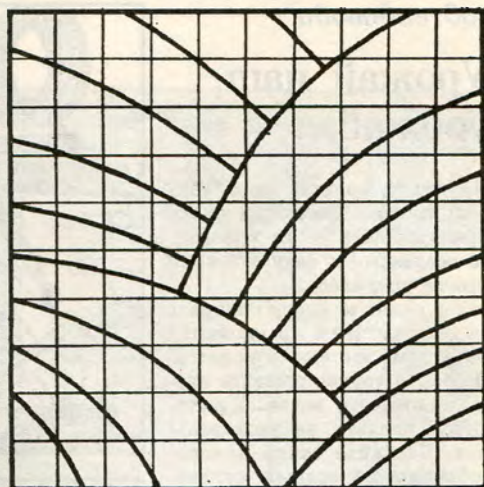
Выкроенные детали наметать на основу
и пристрочить на машинке с мелким швом
"зигзаг".

Затем со стороны основы
сделать небольшие разрезы

и через них каждую простроченную ячейку
слегка набить ватой,
а потом зашить.

Для обратной стороны подушки
возьмите ткань,
которая тоже бы подходила к аппликации
и по цвету и по фактуре.

Урожай наш, урожай...

Ну вот и пришла пора убирать урожай. Несмотря на все причуды лета — то холодно, то жарко, — в саду все-таки что-то уродилось.

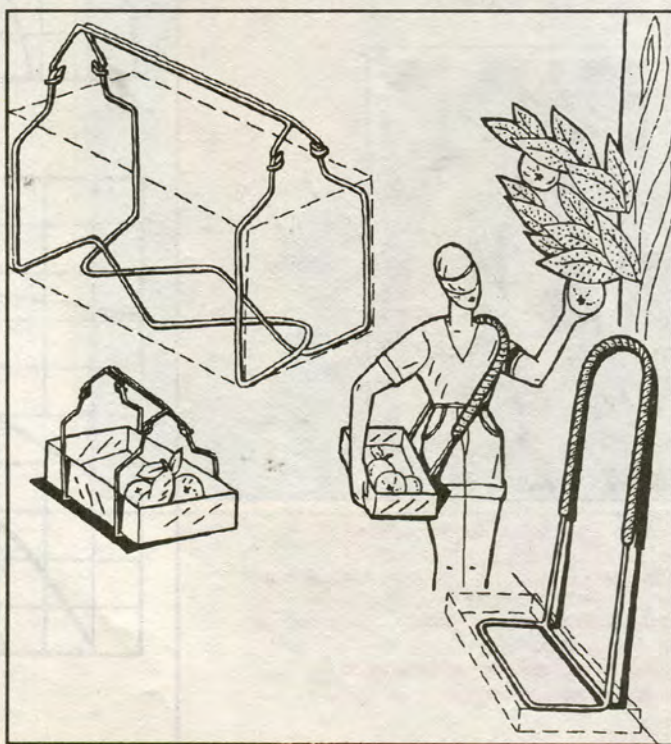
Уж очень муторно собирать смородину. Ну а крыжовник? Он к тому же еще и колется! Особенно трудно срывать ягоды с нижних веток. Приходится ползать на четвереньках. Сделайте такие приспособления из старых автомобильных покрышек. Внутри положите кусочки поролона или просто что-то мягкое, чтобы коленкам не было больно.

Оставшуюся часть покрышки не выбрасывайте. Из нее еще можно сделать приспособление для переноски длинной трубы или доски. Ведь известно, как неудобно нести длинный предмет. На плече — больно, в руках — неловко.

Если нет устойчивой стремянки, в саду можно использовать обычную лестницу. Для надежности над верхней планкой сделайте перекладину из отрезка крепкой веревки или куска металлического троса. Металлический трос, чтобы не поцарапать ствол дерева, проденьте в резиновую трубку (можно отрезать кусок шланга).

Для сбора орехов и падающих фруктов в пору их полного созревания нужно очистить землю под деревом и расстелить брезент или полиэтиленовую пленку диаметром по размеру кроны. По краям, чтобы не сдувало ветром, закрепите камнями. Под фруктовом деревом брезент или пленку хорошо бы натянуть хотя бы сантиметров на пять над землей, чтобы мягкие фрукты (абрикосы, персики, груши) не разбивались, падая на землю. Самое простое — положить на землю по периметру несколько кирпичей или вкопать на ребро четыре — пять досок, расстелить сверху пленку, обтянуть и закрепить камнями.

Плоды, падающие или стряхиваемые на подстилку, легко собирать, одновременно отделяя порченные и пере-

спелые. Снятые фрукты не оставляйте на солнце, сразу же перенесите в прохладное место.

Для сбора плодов лучше использовать тару с открывающимся дном, так легче пересыпать их в ящики и большие корзины и они меньше бьются.

Для этих целей можно приспособить старые пластмассовые ведра или банки емкостью не менее пяти литров. Важно, чтобы была удобная ручка. Дно банки или ведра срезают, внутрь вкладывают кусок плотного полиэтилена, мешковины или брезента. Край, свисающий сверху ведра закрепляют проволокой, а на другом конце прокладки вырезают что-то вроде язычка и проделяют на нем отверстие.

Закрывается дно с помощью двустороннего крючка, один конец которого цепляют за язычок, а другой — за край ведра. Таким двусторонним крючком удобно пользоваться, когда приходится собирать яблоки с верхних веток. Приладишь на ветке корзину — и спокойно срываешь себе яблоки.

Ягоды, виноград и мягкие фрукты лучше собирать в неглубокие ящики — так они меньше мнутся. Но таскаться с ящиками неудобно.

Сделайте из прочной металлической проволоки держатель для ящика. Верхнюю часть обмотайте чем-нибудь мягким или привяжите кусок поролона, чтобы не давило на плечо, а на нижнюю ставьте ящик. Только придется придерживать рукой.

По размеру и форме ящика из прочной стальной проволоки можно сделать и такой держатель. Ручки с остальной частью конструкции соединяются шарнирно. Для удобства их следовало бы обмотать изоляционной лентой.

Трудно достался в этом году урожай, так что соберите его вовремя и без потерь.

Продолжаем заготовки

Приправа к борщу

Взять поровну помидоры и красный сладкий перец и пропустить через мясорубку. Посолить по вкусу. Полученную массу довести до кипения и проварить одну-две минуты, не больше. Снять с огня и тут же разложить в простерилизованные пол-литровые банки. Закрыть полиэтиленовыми крышками. Стерилизовать приправу не надо. Она хорошо сохраняется в холодном месте всю зиму. Добавляют приправу в борщ как томат, но от нее борщ становится острее и ароматнее.

Засолка огурцов без рассола

Самые зеленые молодые огурцы протереть от песка. Посыпать дно кадки солью толщиной в сантиметр. Поставить огурцы вертикально (светлым концом вниз) как можно плотнее друг к другу, посыпать мелко изрубленным укропом.

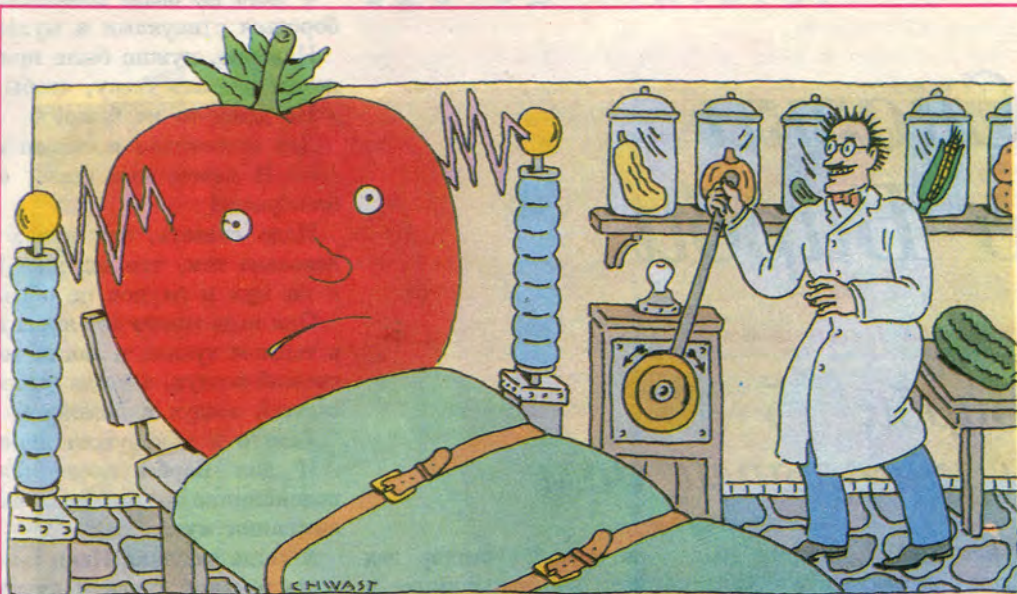
Соли всыпать столько, чтобы заполнить пустоту между огурцами. При этом кадку нужно слегка покачивать, чтобы соль заполнила пустые промежутки.

Через день, когда соль осядет, заполнить кадку солью насколько возможно. Затем кадку закупорить, поставить в сухое холодное место.

Такие огурцы сохраняют аромат свежего огурца, не теряя упругости и в них не образуются пустоты.

Перед употреблением в пищу огурцы опустить в холодную воду, часто меняя ее в течение суток.

Предлагаю семена: томатов ранних и суперранних сортов (Люси, Гаврош, Алина, Желфрукт, Агата, Волгоградский скороспелый и др.), огурцов открытого и закрытого грунта (13 сортов). Большой выбор овощных и зеленных культур, астры, земляники, лекарственные. Цены среднерыночные. Каталог — наложенным платежом. 141400 Химки 6 Московской области а/я 5, семена

После многолетних сомнений и споров гения инженерия может наконец предложить нечто, что можно попробовать на зуб. Строгая американская ФДА — правительственная контора, без ведома которой нельзя пускать в продажу новые продукты и лекарства, — дала заключение

о безвредности сорта томатов, полученного путем вмешательства в структуру ДНК. Первенца зовут Флэвр Сэвр — Вкусный Вкус. Биоконструкторы изыскали ген, отвечающий за выработку фермента, порождающего томатную гниль; в результате помидоры могут дольше

оставаться свежими, нет нужды срывать и перевозить их недозрелыми. Утверждают, что в любое время года их отличает "летний вкус". Остается подождать, как примут покупатели продукт, полученный в обстановке, изображенной художником Сай-муром Квастом.

Маринование шампиньонов

С шампиньонов снять кожицу, промыть их от песка, посолить, дать постоять. Когда выделится сок, шампиньоны вскипятить в этом соку, затем добавить немного уксуса, поварить минут пятнадцать, остудить и сложить в банки.

Маринад (на 10 л воды — 50 г уксусной эссенции, 20 г перца, 2 г лаврового листа, 150 г соли) прокипятить и залить им грибы.

Банки закрыть пергаментом и завязать.

На следующий день открыть, маринад слить, пере-варить, остудить и снова залить грибы, чтобы они были полностью им закрыты.

Прогреть немного растительного масла, остудить, залить сверху, чтобы не появилась плесень.

Варенье-желе из красной смородины

Размять красную смородину, влить воду, вскипятить, процедить через марлю, хорошо отжать сок. В сок всыпать сахар, варить на большом огне

с момента закипания 30 минут, после чего сделать пробу: влить ложку сока на тарелку. Если сок через 10 минут стечет — желе готово. Если нет — надо продолжать варить.

Готовое желе остудить и переложить в банки.

На 1 кг смородины взять 1,2 кг сахара и 1 стакан воды.

ТПФ "ФРИВОЛИТЕ"

141400 Московская область, г. Химки, а/я 9

Телефоны: (095) 572-96-20, 572-92-26

Заказ — по нашим каталогам. Оплата — при получении товара на почте.

КНИГИ — детский и взрослый интеллектуальный детектив зарубежных авторов (изд. "Совершенно секретно"), научно-познавательная литература для детей по лицензиям ведущих мировых издательств (изд. "Росмен") и многое другое, всего около 70 наименований

ПРЯЖА — отечественного и зарубежного производства (шерсть, мохер и их смесь с акрилом), более 10 цветов.

Каталоги на книги получите бесплатно, если в письмо вложите конверт с Вашим адресом.

Каталоги на пряжу высылаем после получения почтового перевода — 500 рублей.

Сказки о Барби

Людмила Петрушевская

Барби и кукольный дом

Кукла Барби, которую нашел на помойке столяр дед Иван, поселилась у него в комнате на подоконнике в деревянном ящичке, очень довольная.

В окно ей была видна жизнь города, мимо бегали прохожие, собаки и кошки, пролетали птицы, проходили облака.

Начиналась весна, и старый столяр дед Иван даже иногда приоткрывал окошко, особенно когда варил клей.

Дед Иван делал по две шкатулки в неделю и продавал их на субботнем базаре, на это он и питался.

Кукла Барби (он звал ее Маша) восседала у деда на окне, он уже купил ей множество платьев, а остальное его не касалось: он замечал, что у нее что ни вечер сушатся под окном вчерашние одежды, но считал, что так и полагается, переодеваться ежедневно во все чистое, таков кукольный закон.

Правда, в остальном хозяйство у бабушки Ивана было бедное, холостяцкое, две тарелки, одна кастрюля, чайник, ложка и вилка, перочинный нож, кровать, стол и два стула, комната в два окна и кухня со всеми удобствами.

Дед Иван (который с годами все больше терял зрение) не видел, что его квартира становится местом военных действий — армия пауков против многочисленных армий мух: происходили ежедневные бои на каждом окне и в каждом углу, была разветвленная сеть шпионажа и налеты тяжелой авиации на эту сеть, а что касается трупов убитых, то ими были усеяны все подоконники.

Когда кукла Барби Маша поселилась в доме столяра, произошли большие изменения: деду Ивану сделали операцию на глазах и он стал хорошо видеть.

И вот тут началось самое печальное: дед Иван, который с детства терпеть не мог пауков, вдруг обнаружил в своей квартире логово врага и расстроился.

Надо сказать, что и мух он не обожал, и не выносил, когда в доме было грязно.

А тут, придя из больницы домой, он просто сел и заплакал.

У него не было возможности сделать ремонт, а как бороться с пауками и мухами, он не знал.

Наверно, нужно было пригласить бригаду маляров, а потом позвать тетку, чтобы вымыть окна и полы.

Но денег-то не было!

Дед затосковал и сказал своей куклке Маше:

— И зачем мне глаза, если я не хочу видеть это безобразие!

Надо сказать, что кукла Барби прежде всего была довольна тем, что дедушка Иван теперь хорошо видит, и на мух и пауков не обращала внимания.

Она ведь много лет жила как в тюрьме на дне ящика в темном чулане и могла только мечтать выбраться на свежий воздух, а когда выбралась, то оказалось, что это свежий воздух в помойном контейнере...

Там-то и обнаружил ящик с куклой дедушка Иван.

И для Барби после помойки жизнь на светлом подоконнике в доме деда была счастьем, пусть даже в компании мух.

А когда дедушка Иван стал жаловаться, что не может жить в такой грязи и лучше быть слепым, чем видеть все это, умная Барби решила начать действовать.

Ночью она подула на своего спящего деда, и ему приснился сон, что он делает своей Барби прекрасный дом с лампами, коврами и шкафами, с красной крышей и занавесками на окнах.

Дед встал утром озабоченный и, надев свою ветхую одежку, ушел бродить, как всегда, по помойкам.

К вечеру он натащил домой ящиков, тряпочек, поролона, даже раздобыл две банки белой краски — краска, правда, высохла, но дед знал, как ее развести.

Люди выбрасывают то, что может еще послужить, потому что у них нет времени на починку и восстановление испорченных вещей — но знали бы они, что через тысячу лет какие-нибудь будущие ученые раскопают городскую свалку и будут стараться склеить их битую посуду, починить их рваные носки и пиджаки и собрать порванные в клочки письма...

Итак, к вечеру дед Иван (стараясь не смотреть на углы, затянутые паутиной) смастерил дом сначала в виде огромного ящика, а на следующий день он его покрасил, приладил окна и двери (они открывались и закрывались) сделал ванную комнату и т. д., а еще через сутки была готова уже и мебель — первый резной столик и пара стульев с такими же спинками.

Кукла Маша Барби с интересом наблюдала за этой работой и тоже незаметно помогала деду, например, сшила из старинных кружев несколько абажуров, а из старого батистового фартука — прекрасные занавески и покрывало на широкую деревянную кровать, и дед с большим удивлением обнаружил в куче лоскутков маленькие кукольные подушки из разноцветного бархата — и квадратные, и круглые, и в виде валиков.

Короче, к субботе дом был готов к продаже, но дед посмотрел-посмотрел на него, полюбовался и торжественно посадил в этот дом на диванчик свою куклу Машу — и никуда в результате не пошел.

Кукла Маша Барби с большой радостью посидела за столиком, повалялась на широкой кровати, посмотрела телевизор (дед сделал его очень умело из пластиковой

коробочки, и Барби сразу стала смотреть мультфильм Диснея «Фантазия»).

Но к вечеру в доме деда по-прежнему не было ни крошки еды.

Дед заснул у себя на кровати (бедному сон заменяет ужин, это широко известно всем голодным), но Барби не спала.

Недаром она сквозь все беды и невзгоды пронесла свой игрушечный телефон.

По нему-то она и позвонила одной своей родственнице, Барби, которая жила в доме у редакторши телевидения.

Что она ей говорила, неизвестно, но на следующее утро, когда настало воскресенье, в дверь деда Ивана громко позвонили, и к нему в квартиру ворвалась шикарная дама — как раз та самая сотрудница телевидения.

Она с порога громко закричала — как будто дед Иван был глухим как пень:

— Алло, я ищу таланты!

— Да, — ответил дед Иван, аккуратно одетый, причесанный и умытый и даже уже позавтракавший кружкой горячей воды.

Дама так же громко объявила, что дед будет участвовать в конкурсе, где объявлен большой приз.

Затем она отстранила деда Ивана с порога и устремилась к окну, где среди паутины на широком подоконнике стоял и сверкал дом куклы Маша.

Дама ахнула и как маленькая девочка опустилась на колени перед подоконником, стала трогать и передвигать мебель, разглядывать занавески, подушечки и картины в красивых рамах.

Барби она не заметила — мало ли Барби на свете!

У дочери редакторши была целая рота Барби.

Но вот такого домика дама не видела никогда в жизни.

Как прекрасно были сделаны шкафчики со стеклянными дверцами, резные стулья и диван с бархатной обивкой!

Как хотелось жить в таком доме!

Дама грубо вытащила Барби Машу за голову и положила ее на голый подоконник вверх ногами, чтобы рассмотреть кукольную кровать с деревянным изголовьем.

Разумеется, дед Иван тут же обиделся, взял свою Машу на руки и хотел выпнуть нахальную редакторшу, но она внезапно рявкнула:

— Все! Я это беру! Это мне нравится!

— А мне не нравится, — тихо ответил дед.

— Так! — продолжала орать редакторша. — Только у вас жилье никуда не годится! Я вам сегодня пришлю своих ребят, они тут сделают декорацию, приколотят новые временные стенки, вставят другое окно, там будет искусственный фонарь, так. На пол постелим вам кусок нового паркета. А то тут как в свиношнике.

С этими словами дама выскочила вон, а расстроенный дед начал приводить в порядок домик, в котором как будто ночевала рота солдат — стулья были повалены, картины и часы висели криво, телевизор лежал вниз экраном, а кровать была перевернута вверх дном.

Приведя все в порядок, старик ушел бродить по помойкам и к вечеру притащил, очень довольный, целый ворох сухих старых дощечек.

Он ничего не ел уже два дня, но ему было не привыкать к такой диете, он чувствовал себя неплохо, прихлебывал горячую воду из чашки и возился со своими деревяшками.

На следующий день утром в квартиру ворвалась бригада декораторов с телевидения, вооруженная щитами, кистями и банками с краской.

Но — неожиданно для себя — вместо того чтобы строить декорацию, они стали быстро красить потолки и стены, рамы и двери.

После чего к вечеру ребята вымыли окна, оттерли паркет каким-то химическим составом, похлопали очумевшего деда по плечу и удалились, горланя насчет скорейшей выпивки.

А дед переживал это местное землетрясение, сидя со своим домиком, обернутым в газеты, на лестнице среди убогих пожитков.

Барби, между прочим, находясь внутри своего домика, была очень довольна, что ребята ее послушались и все как один решили, что им все равно — то ли устанавливать декорации (которые потом надо еще и снимать), то ли делать ремонт.

И вот наступил торжественный день съемок.

Приехало множество народу, на полу лежали провода, всюду слонялись какие-то бездельники с молотками, наушниками и кабелями, редакторша орала, потрясая бумажками с текстом, про домик все как будто забыли — взоры присутствующих и глазок видеокамеры были прикованы к пустому подоконнику.

Наконец была дана команда снимать.

Оператор нацелил объектив прямо в рот редакторше, которая произнесла длинную речь, сидя в красивом кресле, привезенном со студии.

Два часа снимали редакторшу на фоне искусственного окна, за которым сияло фальшивое солнце, все переругались, оператор то и дело прекращал съемки, редакторша два раза рыдала и один раз сменила платье, гример пятнадцать раз пудрил ее и один раз — попутно — дедушку Ивана, который сидел в углу бледный и голодный, всеми забытый.

И только когда все было закончено с редакторшей, наконец вывели из угла и пять минут снимали столяра, потом включили освещение в домике на всех этажах и на чердаке и три минуты снимали домик.

Дом сиял огоньками, откуда-то заиграла чудесная музыка, как будто завели музыкальную табакерку, кукла Барби Маша сидела за столом в кресле в теплом стеганом халатике и домашних тапочках и читала очень маленькую книжку у совсем маленького подсвечника с крошечной горячей свечой.

Вся буйная команда телевизионщиков притихла, оператор вдрог припал на колени и пополз вдоль домика.

Когда съемки закончились, редакторша зевнула и сказал деду Ивану, что неизвестно, кому дадут приз, у них в программе много сюжетов об умельцах.

— Один человек даже построил своими руками летающий самолет, а другой макаронную фабрику на

кухне, — сообщила она, собирая свои бумажки, — и все решат зрители, они будут звонить в студию во время передачи.

И вся команда умчалась, как уходит тайфун или цунами.

В только что отремонтированной квартире был полнейший разгром.

Усталый и голодный дед Иван плюнул и удалился вон, прихватив свою бывшую слепецкую палочку и черные очки.

Он давно наметил себе местечко в одном подземном переходе, еще до операции, на черный день, он решил, что встанет там и будет стоять с протянутой рукой, когда совсем дойдет до крайности.

И доведенный до крайности, голодный и слабый дед пошел просить милостыню, стесняясь сам себя, но до подземного перехода не добрался, упал в обморок от голода.

Стопились люди, кто-то сказал «Вот так и умирают», кто-то вызвал «Скорую», и через час деда отвезли в больницу, в приемный покой.

Врач привел его в сознание, давши понюхать нашатырный спирт, ядовитую ватку, от которой перехватывает дыхание.

Но никто не догадался его покормить, а сам дед ничего не сказал.

Его оставили еще немного полежать — для контроля, — а сами сели пить чай в соседней комнате.

Дел валялся на больничной кушетке, в животе его бурчало и завывало от голода, а рядом звенели ложками, что-то резали, ели (а что, врачи тоже люди).

Одновременно работал телевизор. По телевизору вещал какой-то резкий, очень знакомый женский голос.

И вдруг врачи задвигали стульями, заговорили и вышли в коридор, где начали названивать по телефону.

— Але! Это телевидение? — закричал кто-то. — Плохо слышно! Мы, врачи скорой помощи, решили присудить приз кукольному дому! Нас тут шестеро, и все «за». И вам спасибо.

Дед Иван вскоре был поднят медсестрой, которая проверила его пульс, давление и сказала:

— Дедушка, не болей. Питаться надо лучше, и все. Иди с Богом.

И дед Иван побрел домой.

У его дома опять дежурил телевизионный автобус.

Собралось даже несколько зевак.

Дед вошел в свою разоренную квартиру, ожидая увидеть полный тарарам.

Но он застал там порядок, стол даже был накрыт скатертью, пол оказался чистый, а домик горел всеми своими огнями.

В комнате сидела вся телевизионная команда, и редакторша барабанила пальцами по столу.

С криком «Вот он» редакторша схватила деда Ивана, усадила его в телевизионное кресло, и начались съемки.

— Вы довольны, что получили такой большой приз? — спросила редакторша крикливо.

— Какой приз? — удивился дед Иван.

— Вы получили главный приз нашего конкурса, королевский торт! — заорала редакторша, глядя мимо дедушки прямо в объектив видеокамеры.

— Ну спасибо, — сказал дед.

Тут же (видимо, из кухни) внесли торт размером с круглый обеденный стол.

Оператор стал передвигаться вдоль торта, как вдоль забора, снимая сверкающую корону, башни из крема, розы из взбитых сливок, шоколадные домики и груды засахаренных орешков у основания.

Редакторша занесла над этим сладким городком огромный нож, у деда Ивана чуть опять не случился голодный обморок, но он сдержался и пошел на кухню ставить чайник на всех.

Когда он возвратился, телевизионщики уже доедали, видимо, по третьей порции, судя по разоренному тарту, вокруг стола царил безумное веселье (видимо, работники эфира тоже изголодались).

Но дед Иван, прежде чем приступить к еде, отрезал небольшой кусок торта у самой короны и отнес его в кукольный домик, где поставил на стол перед своей Машей.

И она благодарно кивнула ему в ответ, чего никто в мире не заметил.

О нашей "Детской библиотеке"

Как мы сообщали в предыдущих номерах журнала, была объявлена подписка на три книги «Детской библиотеки "Семьи и школы"», которые должны выйти во втором полугодии 1994 года:

Людвик Ежи Кери. *Фердинанд Великолепный. Проснись, Фердинанд!*

Беатриса Поттер. *Кролик Питер и другие истории.*

Туве Янссон. *Муми-тролль и все остальные. (Четыре сказочные повести: Муми-тролль и комета; Шляпа Волшебника; Мемуары Муми-папы; Опасный канун.)*

К сведению тех, кто не успел подписаться на наше приложение на почте. Мы имеем возможность выслать (по России) некоторое количество комплектов этих книг наложенным платежом. Заявки (не деньги!) присылать в редакцию. Стоимость всех трех книг (с пересылкой) около 8 тысяч рублей.

В первом полугодии 1995 года будут выпущены еще три книги "Детской библиотеки":

Шарль Перро. *Все сказки.* Гравюры Гюстава Дорэ. 48 страниц.

Ханс Кристиан Андерсен. *Сказки и легенды.* Многочисленные рисунки датских художников. 288 страниц.

Жорж Санд. *Королева Квакуша.* (Из "Бабушкиных сказок"). 20 цветных полосных рисунков. 90 страниц.

Книги выходят в журнальном формате, в красочных обложках.

Обращаем ваше внимание на то, что теперь приложение "Детская библиотека" включено в Каталог "Роспечати" — индекс 71254.

Вы сможете подписаться на приложение (Перро, Андерсен, Жорж Санд), когда придете подписываться на "Семью и школу" на 1995 год.

Безумный Монктон

повесть уилки коллинза

Когда я заглянул внутрь, первое, что мне бросилось в глаза, был некий длинный, лежавший на помосте предмет, покрытый легким сизоватым налетом и имевший какое-то мерзкое, смутно напрашивавшееся сходство с человеческой фигурой. Я бросил еще один взгляд и тотчас понял, что так оно и есть. Вот выпуклости лба, носа, подбородка, неясно проступавшие как будто из-под пелены, вот круглые очертания грудной клетки и впадина под ней, вот острые выступы коленей и жестких, страшных, задранных ступней. Я посмотрел еще раз, более пристально. Мои глаза привыкли к бледному свету, сочившемуся сквозь дырявую крышу, и я удостоверился — голову от ног отделяло огромное пространство, — что это труп мужчины, труп, явно некогда прикрытый саваном, столь долго глелим на помосте под открытым небом, что полотно приобрело тот сизый, блекло-голубой цвет плесени и разложения, который проступил сейчас.

Как долго я стоял и смотрел не отрываясь на этот жуткий образ смерти, на эти незахороненные ужасные останки человеческие, смердящие недвижный воздух и, кажется, марающие даже слабый, нисходящий на них свет, который выдает их местопребывание, — сказать трудно. Помню глухой, далекий звук среди деревьев, словно от подымавшегося ветерка, медленно крадущийся ко мне поближе; беззвучное кружение засохшего листка, влетевшего через дыру на крыше флигеля и опустившегося на покойника, туда, куда не достигал мой взор. Вдруг я ощутил огромный прилив сил, острое желание стряхнуть тяжелую, сковавшую мозг дремоту, которое проснулось от ничтожной перемены созерцаемого — кружения засохшего листка. Я шагнул на землю и, усевшись на грудку камней, отер пот, обильно орошавший мое лицо и только сейчас мною замеченный. Нет, само по себе чудовищное зрелище, внезапно представившееся моему взору, не потрясло бы мою душу так, как — я это чувствовал — она была сейчас потрясена. Уверенность Монктона в том, что, если нам посчастливится отыскать тело его дяди, оно будет лежать под открытым небом, вспомнилась мне в ту самую минуту, как я увидел помост с его ужасным грузом. Я тотчас понял, что нашел того, кого искал, — и тут же вспомнил о старинном предсказании; при мысли о несчастном малом, который ждет меня в далеком городке, какая-то томительная грусть, неясное предчувствие беды, необъяснимый ужас пронзили меня дрожью суеверного страха, лишили твердости и здравомыслия и вызвали, когда я наконец пришел в себя, головокружение и слабость, словно я перенес тяжелый приступ какой-то всеохватной телесной боли.

Я поспешил назад к монастырским воротам, нетерпеливо позвонил, немного подождал и снова позвонил — послышались шаги.

Посреди ворот, как раз против моего лица, виднелась небольшая прорезь в несколько дюймов длиной, с подвижной заслонкой, которую тотчас открыли изнутри. За решетчатым окном показались два хмурых, светло-серых, безучастных глаза, и слабый, хриплый голос произнес:

— Что вам угодно?

— Я путешественник... — начал я.

— Места у нас убогие. Не занимательные для путешественников.

— Я пришел сюда не для того, чтобы увидеть что-либо занимательное. Мне нужно получить ответ на очень важный для меня вопрос; я думаю, что кто-нибудь в монастыре способен это сделать. Если вы не желаете впустить меня внутрь, выйдите сами сюда, мы потолкуем тут.

— Вы один?

— Один.

— С вами нет женщины?

— Никого нет.

Засов на воротах был медленно отодвинут, и передо мной предстал старый капуцин — очень дряхлый, очень подозрительный и очень грязный. Я был слишком возбужден и снедаем нетерпением, чтобы тратить время на предварительные замечания. Посему, тотчас поведав монаху, что я увидел, заглянув в дыру во флигеле, я спросил не обинуясь, кто этот человек, чей труп я видел, и почему тело его не предано земле.

В слезящихся глазах слушавшего меня старого капуцина поблескивало подозрение. В руке он держал помятую жестяную табакерку, и все время, пока я говорил, медленно водил щепотью по донышку, чтобы нащупать несколько просыпавшихся крошек. Когда я кончил, он сказал, покачивая головой, что это мерзкое зрелище там, во флигеле, одно из самых мерзких — он в том не сомневается, — какое мне случилось видеть во всю жизнь.

— Я не о том, приятное ли это зрелище, — нетерпеливо возразил я, — мне нужно знать, кто был тот человек, как он скончался и почему ему отказано в достойном погребении. Вы можете сказать мне это?

В конце концов, собрав в щепоть три или четыре табачные крошки, монах медленно засунул их в ноздри и, все время держа открытую табакерку под носом, чтоб не просыпать ни единой крошки, раз или два всей грудью втянул воздух, после чего захлопнул крышку и снова поглядел на меня слезящимися и еще более подозрительно мигающими глазами.

— Да, — промолвил он, — мерзкое зрелище там, во флигеле, совершенно мерзкое, ничего не скажешь!

Пожалуй, никогда, ни разу мне не было так трудно обуздать себя и не взорваться, как в ту минуту. Все же мне удалось удержаться от весьма непочтительного замечания по поводу монахов, всех, какие ни есть на свете, едва не сорвавшегося с языка, и предпринять еще одну попытку победить несносную уклончивость старика. На мое счастье, я и сам был любителем нюхательного табака и у меня в кармане была полная табакерка отличного английского табака, каковую я и протянул ему сейчас в порядке взятки. То было мое последнее средство.

— Я только что заметил, что в вашей табакерке нету табака. Не хотите ли отведать понюшку моего?

Согласие свое капуцин выразил с прямо-таки юношеской живостью. Он захватил в щепоть самую гигантскую понюшку, какую только можно было удержать в ладони, медленно втянул ее, не уронив ни крошки, и, полуприкрыв глаза и растроганно трясая головой, отеческим жестом потрепал меня по плечу.

— О, сын мой, — что за восхитительный табак! О, сын мой и любезный путешественник, подай твоему любящему духовному отцу еще одну совсем-совсем ничтожную понюшку!

— Позвольте, я набью вам табакерку. У меня еще много.

Продолжение. Начало в № 5 и 6.

Помытая табакерка оказалась у меня в руках, прежде чем я успел закончить фразу. Отеческое похлопывание по спине стало еще более одобрительным, а хрипловато-слабый голос бойко и многословно меня нахваливал. Похоже, я нащупал слабое место старого капуцина и, возвращая ему табакерку, немедленно воспользовался замеченным преимуществом.

— Простите, что я снова докучаю вам расспросами, — промолвил я, — но у меня на то особые причины, мне очень важно получить от вас объяснения, какие только можно, по поводу того чудовищного зрелища во флигеле.

— Пройдемте внутрь.

Он потянул меня в ворота, захлопнул их, повел через поросший травой двор, граничивший с невыполотым огородом, и проводил в длинную комнату с низким потолком, грязным кухонным шкафом, несколькими рядами сидений, украшенных грубой резьбой, одной или двумя аловещими, в разводах плесени картинами, которые висели здесь для красоты. То была ризница.

— Тут никого нет, прохладно, хорошо, — сказал старый капуцин. Там было так сыро, что меня стал бить озноб.

— Не хотите ли осмотреть церковь? — спросил монах. — Это настоящая жемчужина! Если б только мы могли восстановить ее, но мы не в силах. Ах! Злой рок и нищета, мы так бедны, что не можем привести в порядок нашу церковь!

Тут он покачал головой и стал перебирать большую связку ключей.

— Мне сейчас не до церкви, — остановил его я. — Вы можете сказать мне то, что нужно, или нет?

— Все, от начала до конца. Абсолютно все. Это я открыл дверь. Я всегда открываю, когда звонят, — ответил капуцин.

— Бога ради, скажите, какое отношение имеет дверь к труп, гниющему в вашей пристройке?

— Слушай, сын мой, и узнаешь. Какое-то время тому назад, несколько месяцев... я стар, увя, мне изменяет память, не помню, сколько месяцев прошло, увя мне несчастью, какой я старый-престарый монах! — для утешения он прибегнул к еще одной понюшке табаку.

— Не беспокойтесь, мне не нужна точная дата. — прервал я его.

— Хорошо, — ответил капуцин, — тогда я буду продолжать. Ладно, скажем, это было несколько месяцев тому назад, все мы, живущие в этом монастыре, завтракали в трапезной. Увы, как скудны завтраки, сын мой, в нашем монастыре, как скудны! Итак, мы вкушали завтрак, как вдруг раздалось: «Пых! Пых!» — два раза кряду. «Стреляют из ружья», — сказал я. «В кого?» — спросил брат Джереми. «Если еще будут стрелять, я пошлю узнать, что происходит», — сказал отец-настоятель. Но больше мы выстрелов не слышали и продолжали нашу жалкую трапезу.

— С какой стороны прозвучали выстрелы? — спросил я.

— Со стороны дальней низинки, из-за больших деревьев, что позади монастыря; там есть открытая полянка, отличная была б земляца, если б не лужи до болотца. Но то-то и беда, у нас тут очень, очень сыро! Вода застаивается! Очень уж мокро!

— Итак, что было дальше, после того как вы услышали выстрелы?

— Сейчас узнаете. Мы все еще вкушали завтрак, храня молчание, ибо о чем нам говорить? О чем, кроме молитв и огорода, и скудных, скудных порций, что нам дают на завтрак и обед? Словом, все мы хранили молчание, когда вдруг зазвонил звонок, да так, как никогда дотоле, — раздался прямо-таки адский звон, так что все мы едва не поперхнулись теми крохами, жалкими, жалкими крохами, какие держали во рту. «Идите, брат мой, — обратился ко мне отец-настоятель, — идите, отоприте, ведь отпирать ворота — ваше дело». Скажу вам, я не робкого десятка, можно сказать, лев, а не капуцин. Иду на цыпочках, жду, вслушиваясь, приоткрываю дверной глазок — не вижу ничего, ну вовсе ничего.

Я ведь не робкого десятка, меня не запутать, что я делаю дальше? Отворяю дверь. О! Пресвятая Матерь Божья, что я вижу на пороге? Там лежит человек — мертвец, огромный, больше меня, больше вас, больше любого из наших монастырских братьев, в глухо застегнутом отличном сюртуке, и сквозь манишку сочится и сочится кровь, а черные его глаза все смотрят, смотрят не мигая в небо. Что я делаю? Я вскрикиваю раз, вскрикиваю другой и бегу со всех ног к отцу-настоятелю!

Все подробности роковой дуэли, вычитанные мной из французской газеты в тот вечер, когда я навещал Монктона в его неаполитанской комнате, тотчас встали у меня перед глазами. С последними словами старого монаха подозрение, охватившее меня, когда я заглянул ненароком во флигель, перешло в окончательную уверенность.

— Все это мне понятно, — сказал я. — Труп, который я только что видел во флигеле, — это тот самый труп, который вы нашли у себя на пороге. Но объясните, почему вы не предали его земле, как полагается?

— Погодите, погодите, не торопитесь, — остановил меня капуцин. — Отец-настоятель услышал мой крик и поспешил навстречу. Все мы побежали к воротам, подняли этого большого человека и тщательно осмотрели. Мертв, мертв, как это дерево! — (Тут он ударил рукой о шкаф.) — Мы вновь осмотрели его и заметили, что к воротнику его сюртука приколот записка. Ага, сын мой, вот вы и вздрогнули! Я так и думал, что в конце концов заставлю вас вздрогнуть.

Я и в самом деле вздрогнул. Записка, несомненно, была тем самым листком, вырванным из записной книжки секунданта, о котором упоминалось в неоконченном дневнике и в котором излагались обстоятельства смерти дравшегося. Если бы мне требовалось несомненное подтверждение личности убитого, то вот оно, это подтверждение, было передо мной.

— Как вы полагаете, что было написано на этом клочке бумаги? — спросил капуцин. — Прочитав, мы содрогнулись. Человек этот был убит на дуэли; злостастный, безрассудный, он погиб, совершая смертный грех, и те, что лицебезы его убийство, обращались к нам, капуцинам, святым людям, служителям Господним, чадам отца нашего святейшего папы, обращались с просьбой дать ему погребение! О, мы были вне себя, когда это прочли, мы стонали, заламывали руки, рвали на себе волосы, не находили себе места, мы...

— Погодите минутку, — прервал я его, видя, что старик увлекся рассказом и, если не остановить его, зальет меня потоком слов, все меньше относящихся до дела, — погодите минутку. Сохранилась ли записка, которая была приколата к воротнику убитого, и можно ли ее увидеть?

Капуцин уже было собрался ответить, но вдруг осекся и, как я заметил, перевел взгляд на двери, и тут же за моей спиной они легко открылись и закрылись.

Я живо обернулся и увидел, что в ризнице появился еще один монах — высокий, тощий, чернобородый, с приходом которого мой прежний друг — владелец табакерки внезапно приобрел вид самый елейный и благочестивый. Я заподозрил, что нас почтил своим приходом отец-настоятель, и не ошибся, как выяснилось, едва лишь он заговорил со мной.

— Я настоятель этого монастыря, — сказал он ясным и спокойным голосом, не сводя с моего лица холодного, пристального взора. — Я слышал часть вашей беседы и желал бы знать, отчего вы так жаждете видеть записку, что была приколата к воротнику убитого?

Невозмутимость, с которой он признался, что подслушивал, спокойно-повелительный вопрос, которым он заключил свою речь, смуглили и озадачили меня. В первую минуту я не знал, в каком тоне отвечать ему. Заметив мою нерешительность и приписав ее ложной причине, он сделал знак старому капуцину удалиться. Робко погладив свою длинную седую бороду и незаметно подбодлив себя конфиденциальной понюшкой «восхитительного табака», мой досточтимый друг зашаркал к дверям, где отвесил глубокий, почтительный

поклон и скрылся из виду.

— Итак, — произнес отец-настоятель все так же холодно, — я жду ответа, сэр.

— Он будет дан вам в самой сжатой форме, какая только мыслима, — ответил я ему в таком же тоне. — В доме, пристроенном к вашему монастырю, я с ужасом и отвращением увидел непогребенного покойника. Я полагаю, что это труп английского джентльмена, человека богатого и знатного, павшего на дуэли. Я приехал в эти места с его племянником и единственным родственником ради неотложной цели найти его останки. И желаю видеть записку, приколотую к телу, полагая, что записка поможет опознать его личность, к удовлетворению его родственника, которого упоминал. Достаточно ли откровенен мой ответ? Намерены ли вы дать мне разрешение взглянуть на этот документ?

— Я удовлетворен вашим ответом и не вижу оснований вам отказывать, — отвечал отец-настоятель. — Но прежде я желаю кое-что сказать. Говоря о впечатлении, которое произвело на вас лицезрение трупа, вы прибегали к словам «ужас» и «отвращение». Такая вольность выражений касательно того, что предстало перед вами в монастырских пределах, свидетельствует о том, что вы не принадлежите к святой католической церкви. А посему не вправе ждать и объяснений, однако я их вам представлю из любезности. Убитый умер без покаяния и совершая смертный грех. Это стало нам известно из находившегося при нем документа. Благодаря свидетельствам нашего собственного зренья и слуха нам известно, что он был убит на земле церкви, во время прямого нарушения тех специальных законов, запрещающих братоубийственные поединки, строгое соблюдение которых святой отец самолично возлагает на верных, проживающих на подвластных ему землях, в собственноручно подписанных им посланиях. Земля монастыря освящена, и не в обычае у нас, католиков, погребать отверженцев нашей религии, недругов святого отца, преступающих самые святые наши законы, в освященной земле. Вне стен монастыря мы лишены и прав, и силы, но если бы они у нас и были, мы помнили бы, что мы монахи, а не могильщики и что единственное погребение, в котором нам дозволено участвовать, — это христианское погребение с церковным отпеванием. Вот и все объяснения, какие я считал необходимым дать. Обождите меня здесь, я принесу вам документ.

С этими словами отец-настоятель вышел из комнаты так же бесшумно, как вошел.

Я едва успел задуматься над этим жестоким и немилосердным объяснением и осознать, что меня задел манеры и стиль объяснявшего, как отец-настоятель уже вернулся назад с запиской в руке. Он положил ее передо мной на стол, и я прочел следующие строки, торопливо набросанные карандашом:

«Эту записку мы прикрепляем к телу мистера Стивена Монктона — англичанина благородного происхождения, убитого на дуэли, проведенной с безупречным соблюдением всех требований чести и доблести. Его тело мы оставляем у ворот монастыря с тем, чтобы его обитатели своими руками предали его земле, ибо оставшиеся в живых участники поединка вынуждены разделиться и порознь скрываться бегством во имя собственной безопасности. Я, секундант убитого, пишу это объяснение, ручаясь честью джентльмена, что выстрел, которым был сражен на месте мой принципал, был произведен в полном соответствии с составленными заранее условиями поединка.

(Подпись) Ф.»

«Ф.» — я тотчас опознал первую букву имени месье Фулона, секунданта мистера Монктона, скончавшегося в Париже от чахотки.

Итак, поиски и опознание убитого были завершены. Оставалось довести эту новость до сведения Альфреда и получить разрешение забрать тело из флигеля. Отдав себе отчет в том, что недостижимая, казалось бы, цель, ради которой мы покинули Неаполь, была, по сути говоря, достигнута, — правда, вследствие случайности, — я готов был усомниться в собственном рассудке.

— Свидетельство документа однозначно, — сказал я, возвращая бумагу. — Не может быть сомнений в том, что останки, находящиеся во флигеле, это останки того самого человека, которого мы разыскиваем. Могу я поинтересоваться, встретим ли мы затруднения, если племянник покойного мистера Монктона пожелает перевезти тело дяди в семейную усыпальницу в Англии?

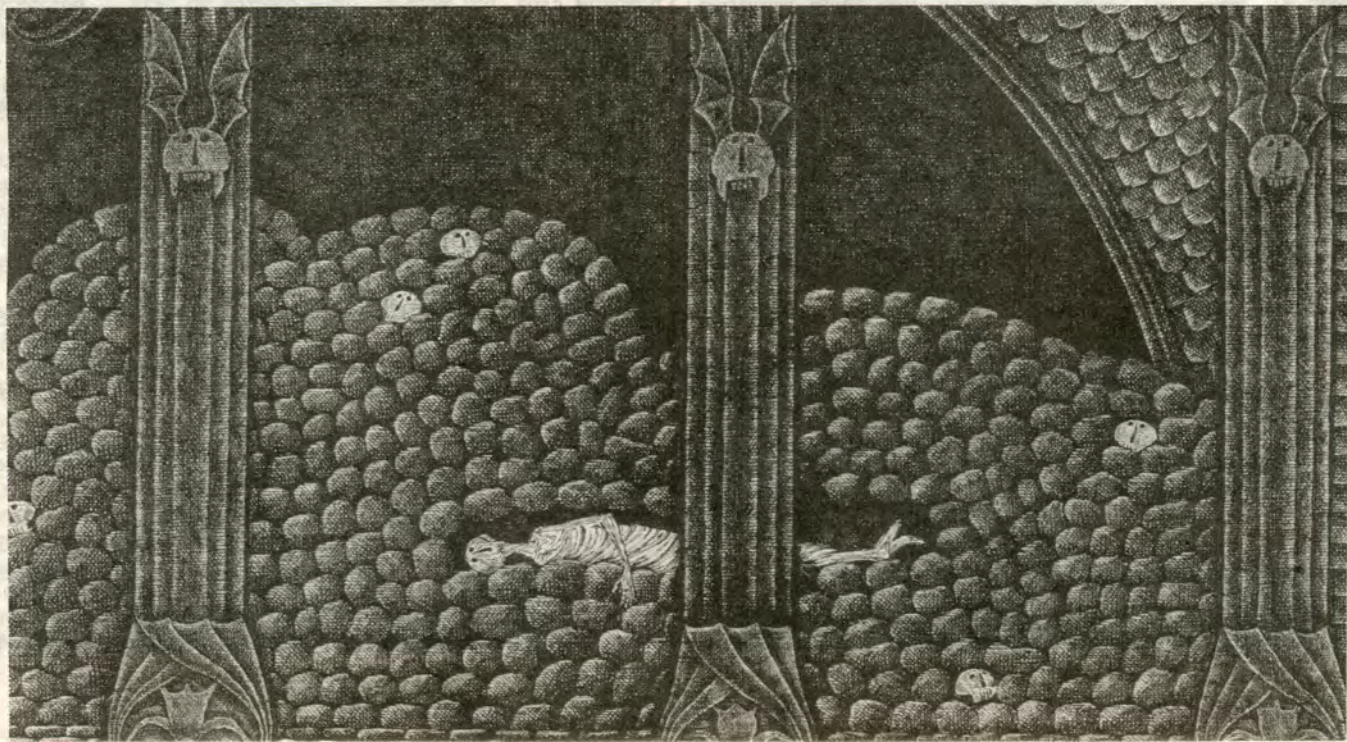
— Где сейчас находится его племянник?

— Он ожидает моего возвращения в городе Фонди.

— Имеет ли он необходимые доказательства родства?

— При нем есть документы, не оставляющие никаких сомнений.

— Если гражданские власти не будут иметь к нему претензий, с нашей стороны он может не опасаться препятствий его намерениям.

Я не был настроен длить беседу со своим малоприятным собеседником хотя б минутой более, чем было необходимо. Время подгоняло меня, я был исполнен решимости не делать в пути ни единой передышки, пока не доберусь до Фонди, даже если меня застигнет ночь. И, сказав отцу-настоятелю, что в ближайшее время он непременно услышит обо мне вновь, я откланялся и поспешил покинуть ризницу.

У монастырских ворот стоял мой прежний друг с жестяной табакеркой, желавший меня выпустить.

— Благослови тебя Бог, сын мой, — сказал почтенный келейник, потрепав меня на прощанье по плечу, — возвращайся поскорей к любящему тебя духовному отцу и побалуй его по дружбе еще одной малюсенькой понюшкой восхитительного табака.

Глава 6

Как можно скорее вернулся я в деревню, где оставил мулов, велел тотчас оседлать их и сумел добраться до Фонди незадолго до заката.

Взбегая по ступенькам нашей гостиницы, я терзался мучительными сомнениями — не знал, как лучше сообщить Альфреду весть о своей находке. Если мне не удастся подготовить его к своей новости должным образом, последствия услышанного — из-за его душевного склада — могут оказаться губительны. Преисполненный смятения, отворил я дверь его комнаты, и, оказавшись с ним лицом к лицу, так был поражен оказанной мне встречей, что на минуту-другую совершенно утратил самообладание.

От летаргии, в которую он был погружен, когда я видел его в последний раз, не осталось и следа. Глаза его сверкали, щеки горели ярким румянцем. Он встал при моем появлении, но не принял моей протянутой руки.

— Вы отнеслись ко мне не по-дружески, — произнес он горячо, — вы были не вправе продолжать поиски без меня, вы были не вправе бросать меня здесь одного. Я совершил ошибку, доверившись вам, вы такой же, как все остальные.

Пока он говорил, я несколько оправился от первого потрясения и поспешил возразить, не дав ему прибавить что-либо еще. В нынешнем состоянии бесполезно было бы урезонивать его или оправдываться. Я решил поставить все на карту и тотчас обрушить на него свою новость.

— Вы выкажете мне больше справедливости, когда узна-

ете, что я оказал вам важную услугу за время своего отсутствия, — произнес я. — Если только я не заблуждаюсь самым решительным образом, то, из-за чего мы покинули Неаполь, быть может, находится в большей досягаемости от нас, нежели...

У него мгновенно отхлынула кровь от щек. Что-то в выражении моего лица или в тоне моего голоса, что-то такое, чего сам я не осознавал, сказало его нервной чуткости больше, чем я намеревался открыть ему в первую минуту. Он схватил меня за руку и сказал горячечным шепотом:

— Скажите сразу. Вы нашли его?

Тянуть было поздно — я ответил утвердительно.

— Погребенного или нет?

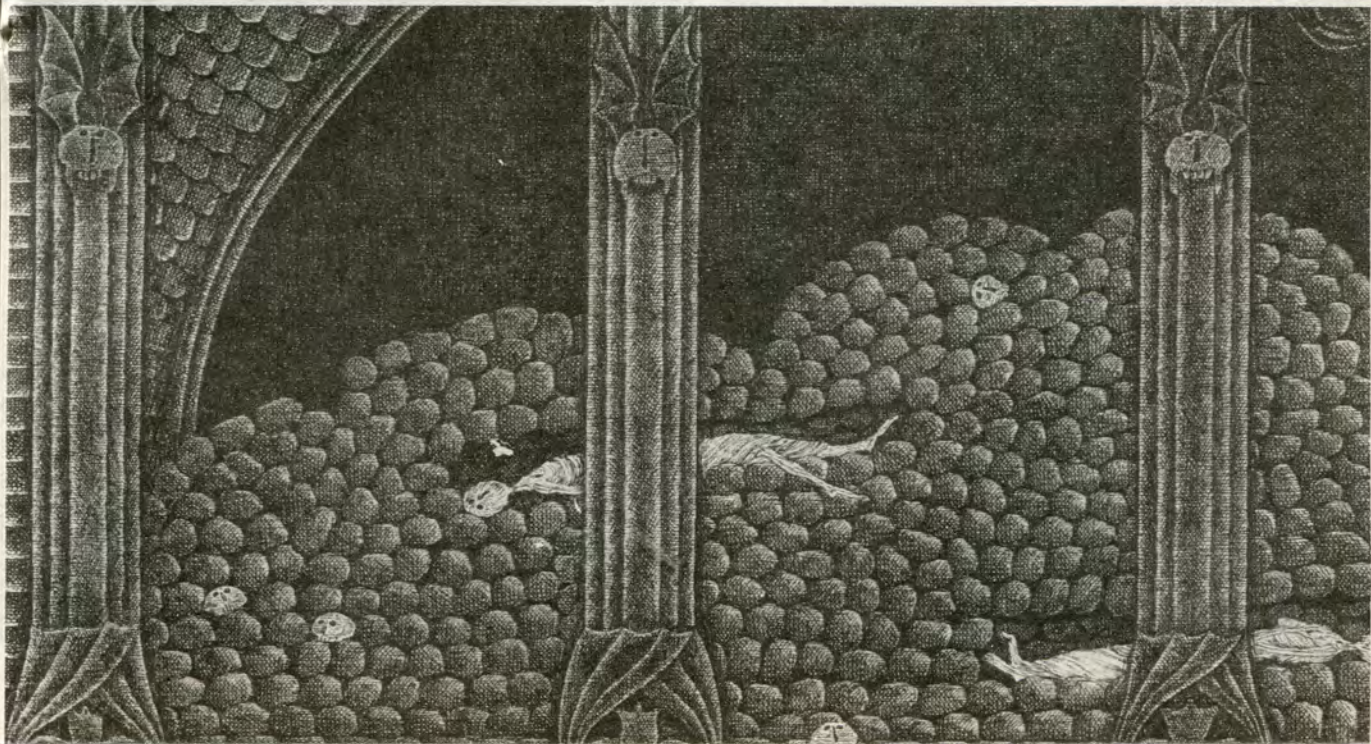
Задавая вопрос, он страшно возвысил голос и вцепился свободной рукой в мою вторую кисть.

— Не погребенного.

Я не успел договорить, как кровь опять прилила к его щекам, глаза его вновь засверкали, и он разразился торжествующим хохотом, невыразимо напугавшим и удивившим меня.

— А что я вам говорил? Что вы теперь скажете об этом старинном прорицании? — вскричал он, выпуская мои руки и расхаживая взад-вперед по комнате. — Признайтесь, вы были не правы. Признайтесь, как признает весь Неаполь, лишь только мне удастся спокойно доставить туда гроб с трупом!

Его смех становился все более и более раскатистым. Тщетно пытался я успокоить его. Появление в комнате его слуги и хозяина гостиницы лишь подлило масла в огонь, и я отправил их восвояси. Когда я закрывал за ними дверь, мне бросилась в глаза лежавшая на столе рядом со мной стопка писем мисс Элмсли, которые мой бедный друг так бережно хранил и с таким трогательным постоянством читал и перечитывал. Поглядев на меня как раз в ту минуту, когда я проходил мимо стола, он также заметил письма. Надежда на будущее, связанная с писавшей эти письма и вновь пробужденная в его сердце моим известием, казалось, тотчас завладела им, едва лишь он взглянул на драгоценные памятные строки, обратившие его мысли к нареченной ему супруге. Смех его стих, он подбежал к столу, схватил письма, затем, на секунду оторвавшись от них, посмотрел на меня с каким-то совсем другим выражением, от которого у меня сжалось сердце, опустился на колени перед столом, прижался лицом к письмам и разразился слезами. Я не хотел мешать

беспрепятственному излиянию этого нового чувства и, не сказав ни слова, покинул комнату. Когда я возвратился через несколько минут, он спокойно сидел в кресле и читал письмо, а вся стопка покоилась у него на коленях.

Он был сейчас сама доброта; в его движениях сквозила чуть ли не женственная мягкость, когда он встал мне навстречу и взволнованно протянул руку.

Пожалуй, он был сейчас достаточно спокоен, чтоб выслушать все подробности того, что мне предстояло ему поведать. Я не утаил ничего, кроме кое-каких частных, связанных с состоянием трупа. Я был не вправе присваивать его долю участия в предстоящем нам деле, за исключением одного — переправки тела, это он должен был целиком и полностью передоверить мне, и, получив мои заверения в том, что заключенные в гроб останки явно и бесспорно являются останками разыскиваемого им человека, удовольствоваться лицезрением записки месье Фулона.

— У вас не такие крепкие нервы, как у меня, — произнес я, считая нужным извиниться за свой откровенный диктат, — отчего я и вынужден просить вас предоставить мне руководство всеми нашими ближайшими действиями, пока под моим присмотром гроб не будут запаян и предоставлен в ваше распоряжение. После чего я верну вам все свои полномочия.

— Мне не хватает слов, чтобы поблагодарить вас за доброту, — ответил он. — Родной брат не мог бы лучше позаботиться обо мне и проявить большее терпение, чем вы, оказывая мне помощь.

Он смолк и впал в задумчивость, потом стал медленно и тщательно перевязывать письма мисс Элмсли, после чего вдруг бросил взгляд на пустую стену рядом со мной с тем самым странным выражением, смысл которого был мне теперь так хорошо известен. С того дня, как мы выехали из Неаполя, я старался не волновать его и намеренно избегал бесполезных и шокирующих разговоров о призраке, который, как он полагал, постоянно его преследует. Но сейчас он выглядел столь спокойным и собранным, столь не способным впасть в перевозбуждение при упоминании опасной темы, что я решился заговорить не обинуясь.

— Что, призрак все еще является вам, как и в Неаполе? — спросил я.

Он поглядел на меня и улыбнулся.

— Разве я не говорил вам, что он следует за мной повсюду? — Он снова устремил взгляд в пустоту и продолжал, обращаясь туда, как бы к третьему собеседнику, присутствующему в комнате.

— Мы расстанемся, — сказал он медленно и мягко, — когда заполнится пустующая гробница в Уинкотском склепе. Тогда я встану перед алтарем уинкотской часовни рядом с Адой, посмотрю ей в глаза и искаженное лицо призрака исчезнет навсегда.

Промолвив это, он подпер голову рукой, вздохнул и стал так же мягко повторять про себя строки древнего пророчества:

*Если будут пустовать
Склепы Уинкота и ждать
Монктона, что в свой черед
В землю предков не сойдет,
Сир и брошен, словно тать,
На ветру будет лежать,
Смрадным трупом будет гнить,
Трех аршин себе молить
(Тот, что акрами владел,
Не получит их в удел), —
Это будет верный знак,
Что сгустился страшный мрак,
Смерти тень все ниже, ниже,
Гибель Монктонов все ближе,
Над последним в их роду
Смерть взнесла свою косу.*

Мне показалось, что последние строки он произнес несколько бессвязно, я попытался отвлечь его на другую тему. Не обратив никакого внимания на мои слова, он продолжал, обращаясь к самому себе.

— «Гибель Монктонов все ближе», — повторил он, — но постигнет она не меня. Неотвратимый рок не висит более надо мной. Я похороню своих непогребенных мертвецов, я заполню пустующую гробницу Уинкотского склепа, и тогда начнется новая жизнь — жизнь с Адой!

Казалось, звук этого имени привел его в чувство. Он придвинул к себе дорожную конторку, спрятал туда пачку писем и вынул лист бумаги.

— Я хочу написать Аде, — сказал он, обернувшись ко мне, — и сообщить ей добрую весть. Она обрадуется еще больше моего, когда узнает.

Измученный всеми событиями этого дня, я оставил его писать письмо и отправился спать. Однако то ли я был слишком взбудоражен, то ли слишком утомлен, но сон не шел ко мне. В состоянии бодрствования ум мой, естественно, обратился к находке в монастыре и к тем последствиям, к которым эта находка, скорее всего, приведет. При мысли о будущем меня охватило гнетущее, томительное чувство, которому я решительно не мог отыскать объяснения: останки, обнаружению которых мой несчастный друг придавал такое значение, были найдены, через несколько дней они, несомненно, будут у него в руках и он сможет перевезти их в Англию на первом же торговом судне, какое выйдет из Неаполя, мне же могла служить наградой надежда, что теперь, когда исполнился его диковинный каприз, восстановится его душевное равновесие и новая жизнь, которая ему предстоит в Уинкоте, сделает его счастливым человеком. Такие размышления сами по себе, разумеется, не могли таить в себе ничего неприятного, и тем не менее на протяжении целой ночи все та же непостижимая, беспричинная тоска снесла мою душу, она томила меня, пока стояла темнота, томила и тогда, когда я вышел глотнуть немного первой рассветной свежести.

Наступил день, и начались неотвязные заботы — пора было вступать в переговоры с властями. Лишь те, кому доводилось иметь дело с итальянскими чиновниками, могут вообразить себе, каким испытаниям подвергал наше терпение каждый, к кому нам приходилось обращаться. Нас гоняли от одного сановника к другому, выражали недоумение, устраивали перекрестные допросы, окружали дело тайной, и вовсе не потому, что оно того требовало из-за своей сложности и запутанности, а потому, что каждому влиятельному чиновнику нужно было продемонстрировать нам свою важность, затрудняя достижение цели всеми возможными способами. После первого же дня знакомства с итальянскими государственными службами я оставил все бессмысленные формальности, которых никак не обойти, на долю Альфреда, а сам обратился к делу поистине трудному: нужно было благополучно перевезти останки из монастырской пристройки в Неаполь.

(О кончание следует)

Перевод с английского
Т. Казавчинской

Текст иллюстрирован фрагментами рисунков
американского художника Эдварда Гори
по мотивам его же оформления
бродвейской постановки "Дракула"
(инсценировка знаменитой готической новеллы
Брэма Стокера)

кто лучше?

ПАНОРАМА

■
«Первым святым в святцах автогонок» назвал французский писатель Жан-Эдери Аллье бразильского гонщика Айртона Сенну, неоднократно лидера «Формулы 1», разбившегося в начале мая на трассе в Имоле (Сан-Марино).

Я смотрела гонки по телевизору, и до сих пор не очнулась от шока. Хотела бы очнуться, говорит в интервью журналу «Пари Матч» подруга Айртон Адриана Галистеу. Их связь была давней и прочной. Она ради него забросила успешно начавшуюся карьеру фотомодели. Он видел в ней ангела-хранителя, чье присутствие на гонках оберегает от опасности. В субботу, накануне несчастья, Адриана прилетела в Португалию, где они с Сенной собирались отдохнуть после Гран-При Сан-Марино — гонок, которые он непременно хотел выиграть. Вскоре он позвонил. Она почувствовала, что с ним что-то неладно. Спросила, как дела, услышала: «Плохо». Айртон сказал, что утром разбился австриец Ролан Ратценбергер, и теперь он не хочет выходить на трассу, пока не успокоится. Он был очень взвинчен, говорит Адриана, особенно в сравнении с его всегдашним спокойствием. Но разве я могла ему что-то советовать? Вечером он снова позвонил, сказал, что обедает в ресторане с братом. Теперь он был гораздо спокойнее и сказал: «Адриана, не волнуйся за меня. Ты же знаешь, что я сильный, очень сильный».

А назавтра, в воскресенье, настал тот шоковый момент, растянувшийся для нее на экране телевизора, казался, на целую вечность ужаса. Ее потрясло, что после аварии Айртон не вышел из болида: первое, что он всегда делал в аварийной ситуации, это выбирался наружу и отбегал в сторону. Но на сей раз Беко (прозвище Сенны) так и не появился.

— Вы когда-нибудь говорили с ним об опасностях его профессии? — интересуется интервьюер.

— Нет, никогда, — отвечает Адриана, — Айртон был настоящий профессионал, какие могли быть разговоры? Правда, мне и в голову не приходила возможность такой трагедии. Мне казалось, что он неуязвим. Из десятка аварий он выходил как ни в чем не бывало. Сегодня-то, конечно, если бы только вернуться в тот субботний день! Не знаю, решился бы он отказать участвовать в гонках или нет, я бы во всяком случае постаралась его убедить.

Тогда, в воскресенье, она немедленно полетела в Болонью, куда доставили в гос-

питаль искалеченного Сенну. Я уговаривала себя во время полета, что увижу его, смогу поговорить, пожать ему руку, придать сил. Я мысли не допускала, что он оставит меня одну. Над самой Болоньей мой самолет стал описывать круг за кругом и никак не садился. Мне что-то объяснили насчет технических причин. Я, помню, не поверила. А когда мы наконец приземлились, мне сообщили, что он только что скончался так и не придя в сознание.

— Вы часто повторяете, что должны оставаться сильной...

— Айртон не любил слабости. Ради него я решила не поддаваться отчаянию.

Литературной сенсацией стало во Франции издание неизвестного романа Альбера Камю «Первый человек», о котором все 34 года, прошедшие со дня гибели писателя, знали только его близкие. Знали, и не собирались публиковать, так как раз навсегда сочли неразборчивую рукопись, лежавшую в портфеле Камю в момент автомобильной катастрофы, всего лишь первоначальным наброском, где авторская воля еще не устоялась и тем более не проявилась вполне.

Недавно дочь Камю Катрин рассудила иначе. За два или три года она сумела полностью расшифровать полторы сотни

В последнее время из космоса приходят любопытные вести.

В середине июля гигантская комета ШЛ-9 (названная по именам открывших ее ученых из США Кэролайн и Ойджена Шумейкеров и Дэвида Леви), расколотая на два десятка кусков, врезалась в Юпитер. Это происшествие оживило тревоги за судьбу Земли — то, что огромному Юпитеру как слону дробина, для нашей маленькой планеты могло бы оказаться фатальным; во всяком случае, с высшими формами жизни было бы покончено.

К счастью, мы упряманы за щит больших планет, принимающих на себя удары наиболее опасных длинноволновых странниц, залетающих внутрь Солнечной системы (вот и ШЛ-9, пролетев два года назад рядом с Юпитером, сначала раскололась на куски от мощной силы его притяжения, а теперь нашла конец в его водородо-гелиевых пучинах). Иначе до homo sapiens на Земле не дошло бы: для возникновения разума нужны десятки миллионов лет относительно стабильных условий, а незваные гости стучались бы в двери куда чаще, и стук этот был бы ужасен. Ведь даже и не столь катастрофические события могут отправить в небытие целые ветви эволюции — как это случилось с беднягами динозаврами 62 миллиона лет назад в результате визита крупного астероида.

Если вспомнить еще, что

Солнечная система, находясь на краю Галактики, избавлена от воздействия потоков смертоносных космических лучей, придется признать, что пока что нам крупно везло — мы имели неповторимые условия для того, чтобы состояться.

С другой стороны, это наталкивает на печальную мысль о том, что в других местах дальше бактерий и лишайников дело, пожалуй, не пошло и никаких братьев по разуму у нас нет. Вот и американский сенат пресек трату ста миллионов долларов на поиск внеземных цивилизаций (так называемая программа СЕТИ — ловля сигналов из космоса с помощью сети радиотелескопов). Дело не в банальном скупердайстве. Выведенный за

пределы земной атмосферы телескоп Хаббла стоял полтора миллиарда. Но эти деньги с пользой работают.

Только что получено наконец достоверное изображение, подтверждающее существование черных дыр. Еще двести лет назад французский астроном Пьер Симон де Лаплас — тот самый, который, если спросить, памятен своим заявлением Наполеону касательно того, что для объяснения устройства мироздания не нуждается в гипотезе Бога, — предположил, что во Вселенной есть "темные звезды" с неимоверной силой притяжения. Эта его гипотеза обрела полное звучание у Эйнштейна, теория которого уже просто требует, чтобы черные дыры существовали. Если бы

подтверждения рано или поздно не нашлось, для современной физики это было бы кошмаром.

Подтверждение нашлось. На расстоянии 50 миллионов световых лет от Земли, в konstелляции Вирго, обретается черная дыра — погасшая и сжавшаяся, впадшая в коллапс звезда с массой в 3 миллиарда раз большей, чем масса Солнца, и уже всосавшая в себя миллиарды звезд. Вокруг нее со скоростью 2 миллиона километров в час вращается гигантский газовый диск, по которому она и опознана.

Дыры, в общем, всегда должны куда-то вести. Куда же ведут черные дыры? В "другую Вселенную"? В прошлое? В будущее? Серьезные люди полагают, что наука тут пока кончается и начинается фантастика.

А на картинке, которую мы воспроизводим (тоже с телескопа Хаббла), — еще одно удивительное космическое зрелище: два огромных обруча, каждый диаметром в несколько световых лет, охватывают местоположение "сверхновой" — звезды, яростный взрыв которой был отмечен астрономами в 1987 году. За тысячелетия до взрыва смертельно большая звезда испустила неимоверное количество газа, который образовал фантастический пузырь в виде песочных часов. Вспышка света в момент гибели звезды заставила газ светиться...

Если звезды умирают, значит, это кому-нибудь нужно?

страниц трудной — часто без знаков препинания — скорописи своего отца. Оказался автобиографический роман, правда, неоконченный, об отрочестве и юности Камю, «плохо скрытого под маской некоего Жака», как пишет журнал «Экспресс». Действие происходит в Алжире перед войной. Лицей, смерть отца, учитель философии Луи Жермен, руки матери, огрубевшие от вечной стирки. На втором плане — зловещие арабы под раскаленным солнцем, описанные в «Постороннем». Судя по откликам французской печати, ничего особенно нового в «Первом человеке», к сожалению, нет.

"То, что мы делали, было на самом деле большой трагедией, отражающей трагичность ситуации в мире, где для того чтобы сохранить мир, необходимо делать такие страшные, ужасные вещи".

Это слова Андрея Дмитриевича Сахарова, речь идет об атомном оружии. История его создания — и в Соединенных Штатах, и в нашей стране — была полна драматизма подлинного, неподдельного. Поэтому понятна брезгливость, пусть и скрываемая порой из воспитанности и интеллигентности, с которой участники событий по обе стороны океана относятся к новейшим претендующим на сенсационность писаниям и толкованиям на этот счет.

Джеролд Шектер, бывший шеф бюро журнала "Тайм" в Москве, и его жена Леона написали книгу "Специальные Задания: Воспоминания Нежелательного Свидетеля — Советского Разведчика". Впрочем, авторами книги числятся не они, а бывший генерал на-

ших тайных служб Судоплатов, наговоривший на двадцать часов магнитофонной записи, и его сын; американцы же представляют себя в качестве просто ретрансляторов: "Это его история".

В свое время, сразу после падения Берия, Судоплатов как причастный к репрессиям был приговорен к длительному заключению. Уже в 1982 году он обратился к высшему партийному руководству с просьбой о реабилитации и получил ее. В числе заслуг он ссылался на подвиги в получении атомной информации — помимо других источников — от Оппенгеймера, Ферми, Бора.

Вряд ли те, к кому он обращался, были настолько доверчивы, что им хватило слов, не подкрепленных документами; а тех не было. Скорее всего, все это просто не играло тогда никакой роли в решении судьбы просителя.

Прозвучавшее спустя 12 лет на весь мир заявление о том, что крупнейшие ученые, участники Манхеттен-проекта, были вовлечены в шпионскую деятельность против своей стра-

ны, — это заявление на веру никто не принял.

Опровержения не замедлили последовать.

Представители российской внешней разведки заверили, что судоплатовские утверждения "не соответствуют действительности".

В Соединенных Штатах Ричард Роудс, автор книги о создании атомной бомбы (получивший за эту книгу в 1986 году Пулитцеровскую премию), презрительно отзывается о разоблачениях Судоплатова как о "шпионском бахвальстве". Эдвард Теллер, отец водородной бомбы, пылкий антикоммунист, высмеивает саму мысль о том, что Ферми мог сотрудничать с Советами, поскольку он "несомненно осуждал сталинские кошмары".

Резко отреагировали российские академики. Они небезосновательно считают, что подобные писания имеют целью бросить тень и на отечественную науку, выставляя ученых, которые были заняты в атомном проекте, слепыми эпилептиками, работавшими "по шпаргалкам, добываемым разведывательными службами".

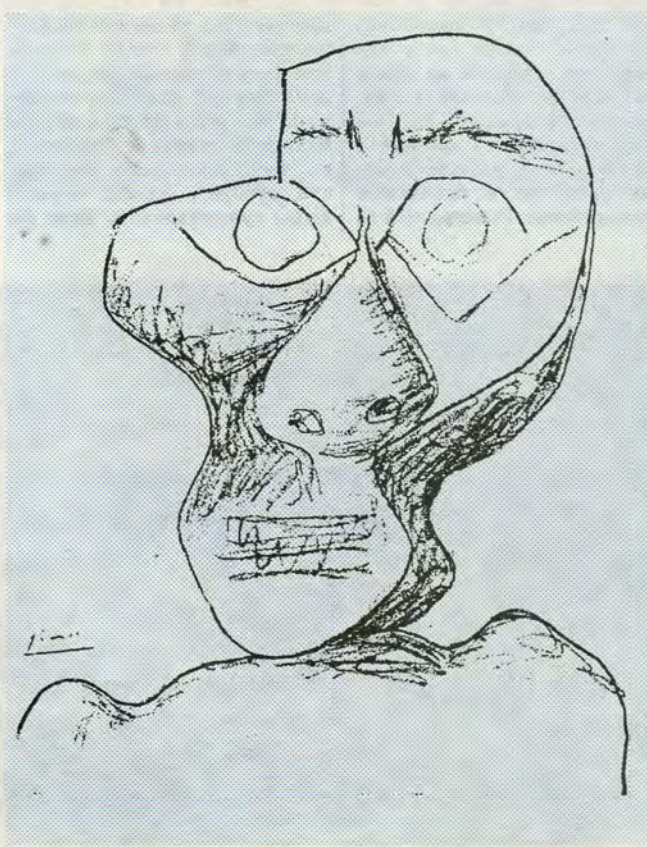

В Кунстхалле немецкого города Билефельд была развернута экспозиция "Последние картины Пикассо".

Творческая активность художников в преклонном возрасте обычно падает. Но с Пикассо было иначе. Удивительно, но после того как в 1965 году он в возрасте 84 лет перенес тяжелую операцию (у него удалили две трети желудка), к нему словно пришло второе дыхание.

Для знаменитой выставки, прошедшей в мае 1973 года, незадолго до смерти художника, в Папском дворце в Авиньоне (Пикассо сам участвовал в ее подготовке), удалось отобрать двести полотен только из тех, что были написаны с 1970-го по 1972-й.

Для многих эта выставка стала тогда настоящим шоком. Старый друг художника Дуглас Купер назвал представленные на ней работы "бесвязной мазней неистового старика". Большинство в той или иной мере разделяло его мнение. Это был очередной, но теперь уже последний и окончательный разрыв отношений с публикой. Пикассо отказал

ей, своей семье и друзьям в том, что все от него ожидали, не став ни седовласым мудрецом, ни немощным стариком. Он снова выплеснул на холст свой бурный темперамент. Опять ломались предрассудки, опять трепал по всем швам сшитый по общей мерке костюм. Словом, понятно, почему этот период его творчества до сих пор представляет большую сложность для восприятия.

Автопортрет Пикассо, написанный 30 июня 1972 года, потрясает, пожалуй, больше, чем многие другие известные нам свидетельства о соприсношении художника с собственной смертью, полагает Андреас Лепик (газета "Нойе Цюрихер Цайтунг"). Это символ физического распада и в то же время — тотемное изображение, попытка автора подменить себя портретом, который вместо него принял бы на себя удар смерти. Глаза и нос непропорционально велики, губы сжаты, ушей нет. Перед нами — череп мертвеца. Картина позволяет нам увидеть то, что скрывалось за наигранной бодростью, которую девяностолетний Пикассо обычно демонстрировал на людях.

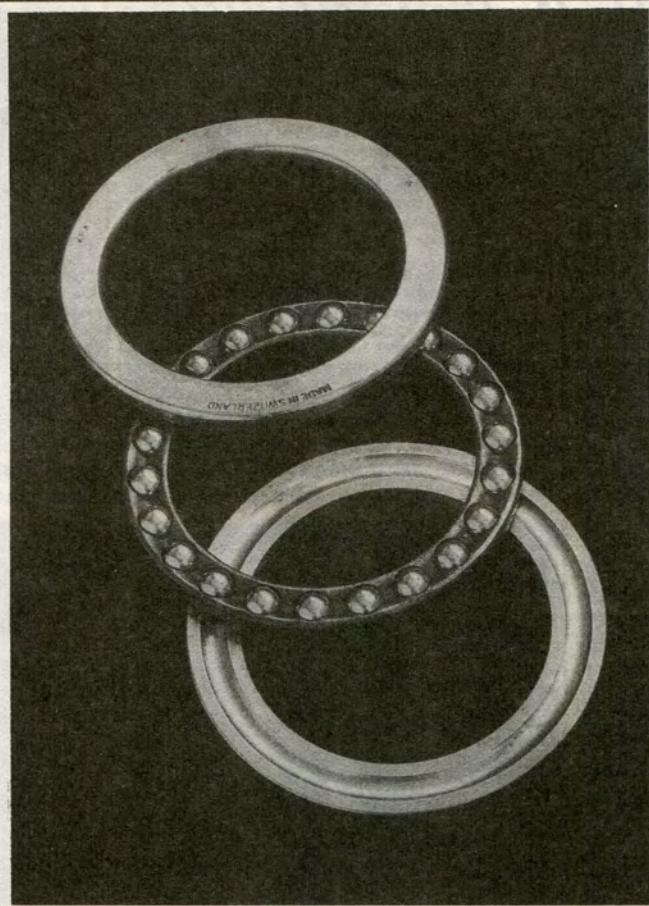
Понятно, что разведка делала свое дело и доставляла важные материалы (вероятно, и американская разведка тоже), но в любом случае добытые сведения сами по себе никогда ничего не решают, если не попадают в руки профессионалов, соответствующих уровню добытого.

Вот он, Судоплатов, по-прежнему сталинист и поклонник Лаврентия Берия (хотя он и выдаливает из себя слова и об их "преступных делах").

Нет ничего удивительного в самооправданиях человека на склоне лет; Судоплатову 86. Печально, что он готов делать это любой ценой.

Еще печальнее, что за всем этим проглядывает расчет на вкусы определенной части общества, испытывающей обскурантское недоверие к интеллектуальной деятельности и интеллектуалам.

ПАНОРАМА

Работы Ханса Финслера (1891—1972) — одна из самых интересных страниц в истории фотографии, пишет, откликаясь на выставку его работ, Клаудиа Йеккель в "Зюддойче Цайтунг". Она определяет творчество этого немецкого мастера так: "новая вещественность".

Финслер освобождает чистый и цельный мир предметов от всего хаотичного, что привнесит сюда человек, от привычных мизансцен и лиц и даже — преодолевая брешь существования — от времени.

Фотографы привлекали простые и привычные предметы, окружающие нас: лампочки, электрические розетки, плитки постола, посуда и ткань. Впрочем, мосты и здания — тоже. Мастерство Финслера придавало этим будничным предметам и сюжетам магическое очарование.

В фотографиях Финслера нет ничего случайного. Все подчинено железному порядку, все точно расставлено по местам. Однако это не тот обывательский порядок, когда подушку на диване нельзя сдвинуть ни на сантиметр. Речь идет о совершенном порядке, о гармонии. Поэтому эти снимки не могут быть скучными, поэтому они доставляют истинное наслаждение.

Выразительный снимок из большого репортажа Гарри Бенсона в "Лайфе" о неделе моды в Париже. По телевидению нам часто теперь показывают блестящий мир моделей и дизайнеров. На наших глазах разворачиваются красочные и вдохновляющие спектакли. Музыка, свет. Краски, линии. Движения — размашистые, семенящие, скользящие. Драгоценности. Тайственная красота женщин. Легкая надменность.

Этот снимок — из-за кулис. На нем (слева) одна из самых популярных сегодня и дорогих моделей Кейт Мосс, "новая Твигги". (Фотографы прозвали ее заморышем — 48 килограммов при 167 сантиметрах роста.) Пишут, что с ней в моду вошел новый облик красоты — мальчишество с налетом эротики.

Впрочем, здесь в ее облике скорее различим налет безмерной усталости. Неделя моды — это 20 сеансов-представлений, 18-часовой рабочий день, 4 часа сна, голод, жажда, табачный дым.

Картинки с выставки

*"Художник вместо произведения,
или Прыжок в пустоту"
в Доме художника
на Крымском валу*

Так называемый человек с улицы, доведись ему заглянуть на эту выставку, был бы, наверное, шокирован. Или раздосадован. Или смущен. Возможно, в зависимости от темперамента и расположения духа, впал бы в нервическую веселость. Ибо решительно ничего, относящегося к "встрече с прекрасным", в лабиринте огромной экспозиции его не ожидало.

"Автопортрет в виде другого художника". "Автопортрет в виде Отелло" (сплошная чернота, белки глаз, алые губы). Серия мужских автопортретов в виде Рембрандта, ряда других лиц и голой женщины. Несколько одинаковых фото роскошной морской глади с пометкой: "автопортрет". Мужчина-трансвестит в женском белье и туфлях на высоком каблуке (серия фотографий). Связанный художник в трусах, принимающий позу христианского мученика под серпом и молотом. Молодой парень, тщательно документирующий свое перевоплощение в Мэрилин Монро. Много крови, гноя и слизи. Кроме того, предлагается смотреть видеофильмы, демонстрирующие в основном жизнь тела. Плюс похожие на стену колумбария панно с портретами умерших швейцарцев. И так далее. До бесконечности.

Вместо "красоты" — тотальная неопределенность и смутная игра переменных величин. Жизнь, секс, смерть в мерцающей аранжировке. Ошибся бы тот, кто решил, что его попросту дурачат, но иногда — близко к тому.

То, чем 130 участников этой выставки из Франции, Австрии, России и других стран занимаются кто с 1960-х годов, кто с 70-80-х, неточно считать "искусством" в привычном значении слова. Тем более, что они и сами если в чем уверены, так это в том, что искусство кончилось. Мертво. Иссакло. За неимением лучшего можно определить их занятия нейтрально-описательно: художественная деятельность "после искусства". Постарт.

Вероятно, каждому знакомо периодически наступающее состояние полной опустошенности, когда не знаешь, куда бы себя деть, а неуве-

ренность в себе переходит в недоверие к собственной личности. Как в стихотворении В. Ходасевича "Перед зеркалом": "Я, я, я. Что за дикое слово! Неужели вон тот — это я?"

Мастера и теоретики постарта мотивируют смерть искусства и даже датируют ее приблизительно 1945 годом с помощью весьма весомых

аргументов из области эстетики, философии языка, теории средств массовой коммуникации и т. п. Это, разумеется, разговор не в двух словах. В чем другом, а в строгой понятийной рефлексии большинству работ, представленных на выставке, никак нельзя отказать. Однако мы в любом случае не поймем тех, к примеру, работ, которые здесь воспроизводятся, если забудем про мутный психологический синдром, ставший под сомнение собственную идентичность.

"Сегодня мне, как и всем другим, больше нечего делать в искусстве, — писал в 1960 году французский художник Ив Клейн. — Не сомневаюсь, мне тут же возразят: мы это уже слышали множество раз от самых разных людей. Конечно, заме-

Ив Клейн. "Живописец пространства бросается в пустоту!"

Рене Журниак. "Посвящение Фрейду"

Жак Фурнель. Две работы из серии "Апостолы"

А. Косолапов. Фрагмент из триптиха "Адорация": "Поклонение серпу и молоту"

чание справедливо, но я знаю, что заслужил право на свои слова".

Фото с витиеватым названием "Живописец пространства бросается в пустоту! или Мания левитации", которое считается классикой постарта, представляет собой монтаж, т. е. в некотором смысле подделку. Однако Клейн, старавшийся пробиться к самому себе, потерявшемуся под личинами модного художника, а он был очень модным художником, тем не менее на самом деле выпрыгнул из окна, упал, разбился, не знаю, верил ли, что полетит. Акция Клейна являлась чисто эстетической: смерть искусства обязывает художника к экстравагантности на грани безумия. Здесь, так сказать, его последний шанс. Клейн был последователен и серьезен.

Напротив, Жак Фурнель, самолично позирующий в собственных работах из цикла "Апостолы", по-галльски лукав и нескрывая ироничен. Это насмешка над претензией художника на сакральный статус и, конечно, игра в живопись старых мастеров, естественно, слегка ностальгическая, но не таящая, в сущности, серьезной драмы.

И наконец Мишель Журниак, о котором в газете, выходящей на выставке, знают люди прямо говорят, что он "не вполне нормален", в своем "Посвящении Фрейду" ищет утраченную самоидентификацию в темных аллеях психоаналитических прописей, загрировавшись под собственную мать и бог весть какие ощущения при этом испытывая.

Художник вместо произведения, художник как произведение отсутствующего искусства — вот тема выставки и всего постарта.

Мы только начинаем узнавать о нем, осваиваемся в новом эстетическом пространстве. Так что эта заметка написана намеренно неопределенно. Впечатление пока, как и сам постарт, смутное.

В. А.

Июль 1904 года — месяц исторический, месяц двух смертей, ставших вехами в русском общественном сознании.

2 июля на курорте Баденвейлер в Германии, выпив бокал шампанского и сказав «Ich sterbe», скончался Антон Павлович Чехов.

Смерть Чехова

Это известие горестным эхо отозвалось в газетах. Может быть, неожиданно для самой себя русская публика внезапно ощутила, насколько ею любим автор «Мужиков» и «Дяди Вани».

Правда, тем Чеховым, которого знаем мы, то есть одной из ключевых фигур литературы XX века, он еще не был в глазах читательской массы. Потребовался ряд потрясений общенационального характера и первое из них — революция 1905 года, чтобы раскрылись во всей значимости потрясающая интуиция Чехова и его гениальное новаторство. России еще предстояло по-настоящему прочесть Чехова.

Пока же Россия прощалась с певцом «сумеречных настроений» и бесконечно грустным и снисходительным наблюдателем участи человеческой, с «одним из нас», в ком каждый при желании без особых усилий узнавал самого себя. Конечно, это был упрощенный Чехов, но оттого не менее, наверное, даже более любимый.

Преобладающий тон «прощания с Чеховым» можно почувствовать в напечатанных «Новым временем» стихах, которые сочинил чеховский литературный сверстник поэт Константин Фофанов — тогда уже полуписавшийся и почти спиившийся, однако изредка еще способный на краткие вспышки большого лирического дара.

Памяти Антона Чехова

Как скоро смерклось! А я не дочитал,
Еще не дочитал последние страницы,
Где жизнь — ничтожество и смутный идеал
Так непохож на небылицы.

Что было бы в конце... не знаю, не пойму,—
Огонь в кремне иссяк, унесена лампада,
Но только с первых строк, как луч в сырую тьму,
Блеснула тихая улада.

Мне грустно и тепло! Заплакать — нет слезы!
Вздохнуть — но грудь и так разорвалась от вдоха!..
Вот повесть бытия без воплей и грозы,
Но и без смеха скомороха.

Стемнело. Мрак вокруг, а дома нет огня...
Не слышно шепота, ласкающего ухо!
И книгу я закрыл... и жду другого дня,
А сердце бьется глухо... глухо...

К. Фофанов
(«Новое время», 18 июля 1904 года)

Смесь любви и недостаточно ясного понимания породила в первые дни после смерти Чехова поток поспешных и мало-доверенных воспоминаний о нем, буквально захлестнувший газетные страницы. Мемориальное повествование было таким сильным, что уже к двадцатым числам июля знаменитый Влас Дорошевич из «Русского слова» не выдержал и обрушил на незадачливых жемурлистов фельетон

Воспоминания об А. П. Чехове

Я не был лично знаком с А. П. Чеховым. Тем не менее это не мешало мне быть поклонником его действительно выдающегося таланта.

Я видел Чехова три раза в жизни, и эти «три встречи» оставили во мне неизгладимый след.

Первая встреча наша произошла в Ялте.

Это было в 1900 году, не помню уж, которого именно числа, но отлично помню, что была теплая, прекрасная погода.

Мы возвращались с водопада Учан-Су: я, моя жена и две свояченицы, — в четырехместной коляске.

Я с младшей свояченицей сидел впереди.

Проезжая Ауткой, кучер сказал, показывая пальцем:

— Вот дача г. Чехова. А вон и они сами.

Мы приказали остановиться и подошли к ограде дороги.

Сад дачи писателя расположен несколько ниже дороги, так что терраса и дорога находятся на одном уровне и притом на расстоянии всего нескольких саженей.

А. П. Чехов сидел на террасе, вероятно, со знакомыми.

— Который из них Чехов? — спросил я у кучера. Он указал пальцем на человека с небольшой бородкой.

— Но он вовсе не так худ! — воскликнула моя жена.

— Ну, нет, знаешь, — возразил я, — он выглядит очень плохо.

И, к сожалению, я оказался прав.

Чехов немедленно же поднялся с места и сказал своим знакомым:

— Пойдемте лучше в комнаты.

Было, как я уже говорил, очень тепло.

Но, очевидно, даже и теплая ялтинская погода была свежа для писателя, силы которого были уже надломлены!

В другой раз я видел Антона Павловича в Москве, в Художественном театре.

Не помню уж, что в тот вечер шло, — но я увидел Антона Павловича в чайном буфете.

Он сидел за столиком один и, как показалось мне, меланхолично мешал в стакане ложечкой.

Я остановился около стола и стал смотреть на дорогого писателя.

Антон Павлович просидел с минуту, потом негромко сказал:

— Человек!

Заплатил 20 копеек и ушел, так и не выпив чая.

Помню, я тогда еще подумал:

«Очевидно, и слабый чай ему вредно пить на ночь!»

Наконец, последняя наша встреча была вскоре после знаменательного представления «Вишневого сада» — в «Славянском базаре» за завтраком.

Чехов меня не узнал. Но я-то его знал!

И когда он со своими знакомыми остановился вблизи моего стола, выбирая столик для себя, я громко сказал сидевшему со мной приятелю:

— А вот Чехов!

Антон Павлович спросил у метрдотеля:
— Нет ли столика, знаете, в другом конце зала?
Но в другом конце зала свободного стола не оказалось.

Счастье мне благоприятствовало — Антон Павлович сел за столик рядом с нашим.

Как сейчас помню, он спросил себе наваги.

Я нарочно громко сказал приятелю:

— А видел ты «Вишневый сад»? Какое чудное произведение! Я не был, потому что билет трудно достать. Но непременно собираюсь, и даже с женой!

Антон Павлович не стал есть наваги.

Даже такой нежной рыбы, и то не мог есть.

Так он был плох в это время.

Это написано наскоро, потому что перо падает из рук. Но на всякий случай сообщаю вам все эти сведения, — может быть, они пригодятся для характеристики незабвенного писателя.

К воспоминаниям прикреплена визитная карточка:

— Иван Иванович Иванов. Граммофонист.

С подлинным верно.

В. Дорошевич

(«Русское слово», 20 июля 1904 года)

Вторая смерть была совсем в другом роде. Чем-то напоминающим сдерживаемый вздох облегчения откликнулось в России

Убийство Плеве

С.-Петербург, 15 июля

Сегодня, в девять часов 50 минут утра, при потрясающей обстановке, на Измайловском проспекте, не доезжая моста через Обводный канал, против Варшавской гостиницы убит министр внутренних дел статс-секретарь В. К. Плеве, ехавший на Балтийский вокзал.

Убийца быстро выбежал, по одним рассказам из-за угла Варшавской гостиницы с Обводного канала, а по другим — из гостиницы, и почти вплотную подбежал к карете. Но тут от кареты его оттолкнул ехавший велосипедист (охранник. — Ред.), и убийца бросил бомбу вслед кареты, которая разорвалась у кузова. Это было делом одного момента. Раздался страшный взрыв, громадное облако пыли поднялось и заволокло улицу на большом пространстве. Бросились в карете. От кареты осталась только тележка и колеса, задняя часть лошадей ободрана, кучера перебросило через лошадей и убило на месте. Министр был мертв. Поранило велосипедиста и еще около 5 человек, в том числе крестьянку с дочерью, шедших по тротуару, и самого убийцу.

Убийца был немедленно схвачен. Арестован он был по указанию велосипедиста. Когда произошел взрыв и все бросились к месту происшествия, велосипедист, указывая на окровавленного молодого человека в железнодорожной фуражке, крикнул: держите его, он убийца.

Убийца не сопротивлялся и дал себя арестовать, сознавшись в преступлении!

(«Новое время», 16 июля 1904 года)

С поздней осени 1903 года эсеровская Боевая организация выслеживала ненавидимого обществом министра Плеве, которому партия эсеров вынесла смертный приговор. Непосредственно руководил наблюдением Борис Савинков. Членом боевой группы была свояченица писателя Короленко Прасковья Ивановская. Бросил бомбу 15 июля Егор Сазонов, выходец из уральской старообрядческой семьи, ставший религиозно верующим социалистом.

Убийство Плеве — первый сигнал наступающей революции. Это был далеко не первый эсеровский теракт (например, в 1902 году они убили министра внутренних дел Сипягина). Но еще ни один из них не встречал такой единодушной общественной поддержки. Из десятков свидетельств тому достаточно привести одно: дочь Толстого Татьяна Львовна, отнюдь не бывшая революционной фанатичкой и прекрасно, конечно, знавшая про «не убий» и практическую бессмысленность политических покушений, тем не менее записала в дневнике: «Трудно не радоваться этому известию». При всей, по нашим меркам, умеренности, в режиме Плеве, видимо, действительно было что-то душераздирающее.

Поэтому, кстати, почти ни один публицист с именем, заботящийся о своей репутации, не отозвался на убийство Плеве. Никто не хотел связываться с одиозным покойником. Только старый волк Суворин, которому было наплевать в том числе и на собственную репутацию, наскоро набросал очередное «маленькое письмо» (XVII), появившееся в том же номере «Нового времени», что и вышеприведенный репортерский отчет. Вот отрывки:

Убийство В. К. Плеве совершено во имя той призрачной «свободы», которая летает где-то в диком и необузданном воображении и вооружена насилием и революционной ломкой.

Политическое убийство тем вреднее для общества, что дает оружие против самого этого общества, среди которого оно воспитывалось или возникло, за вину немногих отвечают все.

Как можно систематически, настойчиво, рассудочно готовиться к тому, чтобы убивать, каждый день об этом думать, выискивать всевозможные средства и случаи, готовить оружие, считать убийство благом, знаменем свободы и возрождения — да не безумие ли это? Не тупость ли это ума, который не идет дальше насилия, любит это насилие и воображает, что есть только одно средство для воздействия на общество и деятелей, и это средство — убийство! Умеют ли связать два разумные слова эти люди, которых обыкновенно отстаивают их партия такими аргументами, что, убивая, они сами жертвуют своей жизнью. Да что стоит их жизнь?! Не было еще того великого ума или таланта, который стал бы убивать, чтоб прослыть «героем», не было того человека, который, сияя добродетелями, вонзил бы кому-нибудь нож в сердце, считая это подвигом. За это берутся только глупцы и маньяки.

Егор Сазонов, конечно, не был ни глупцом, ни маньяком. Он был человеком больной совести, как и большинство эсеровских террористов. Его не казнили. Формально по случаю рождения наследника, царевича Алексея, а на самом деле во уважение общественного мнения смертную казнь ему заменили бессрочной каторгой, а после манифеста 17 октября 1905 года установили 10-летний срок. По рассказу Савинкова, с Акатуйской каторги он писал своим друзьям, что сознание греха не покидало его ни на минуту, что, прочем, не означало раскаяния. Накануне освобождения, видимо, не зная, как и зачем ему жить дальше, Сазонов покончил с собой.

мы вместе